

45y

**Президент
планеты**

**Последнее
поколение**

ЧБУ

**ПОСЛЕДНЕЕ
ПОКОЛЕНИЕ**

**МОСКВА
2023**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-32

Дизайн переплета
Константина Гусарева

ЧБУ.

Ч-32 Последнее поколение / ЧБУ. — Москва : Эксмо, 2023. — 576 с.

ISBN 978-5-04-180401-5

«Последнее поколение» — продолжение романа «Президент планеты».

История о преемственности насилия и ненависти, о том, как противостояние тхари — властителей мира — превращает жизнь каждого члена семьи Келвин в ад. Пока сильнейшие семьи планеты стараются уничтожить друг друга, таинственный вирус бесплодия угрожает существованию всех людей.

Смогут ли стороны примириться прежде, чем новая угроза перечеркнет будущее человечества?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180401-5

© ЧБУ, текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПОДЗЕМЕЛЬЕ.
ПОЛОВИНА ЧЕЛОВЕКА

Генри Перес прыгал на одной ноге по бесконечно-
му коридору, его преследовали тяжёлые металли-
ческие шаги.

У него не было одного глаза, одного уха, одной руки
и одной ноги, а на единственной имеющейся кисти
осталось всего три пальца, но он был самым счастли-
вым человеком на свете. Он смеялся и чем дальше про-
двигался, тем веселее ему становилось. Казалось, он
лопнет от переполнявшей его радости.

Военный дрон позади него имел все четыре конеч-
ности, но из-за большого веса передвигался медленно.
Одноногий Генри играл с ним в догонялки — он сам
затеял эту игру и выбрал правила. Как только дрон его
настигнет, это будет означать мгновенную смерть: ма-
шина оторвёт ему голову, вырвет сердце, выпотрошит
и освежает. Поэтому следовало скрыться как можно
быстрее.

— Тебе не выбраться! — кричал позади преследова-
тель, однако голос его был совсем не присущ дрону —
у тех речь была слишком примитивной. Через дина-
мик с Генри разговаривал Франк, его пленитель.

— Посмотрим! — крикнул в ответ Генри. Он знал, что его разорвут на куски, как только догонят, но это его не беспокоило. Он смеялся и радовался приключению. — Сначала догони!

Медленно, но упорно он преодолел больше километра тёмного коридора. Если бы не фонарик, судорожно трясущийся при каждом прыжке, он не прошёл бы и десятой части. Несмотря на взрыв адреналина, Генри смертельно устал; он никогда не был спортсменом, а передвижение на одной ноге сильно утомляло.

— Ты даже не знаешь, где ты, — произнёс дрон далеко за спиной, и эхо от его слов многократно отразилось от бетонных стен коридора. — На той стороне тебя уже ждёт целая армия моих дронов.

— Я больше ничего не боюсь! Прости, но я решил разорвать наши токсичные отношения, — ответил Генри. Он никогда не использовал чёрный юмор, но сегодня его чувства бушевали, он находился на пороге смерти, поэтому вёл себя иначе. Он ненавидел Франка всей душой, это был его враг номер один. — Сомневаюсь, что ты нашёл достаточно дронов в округе, чтобы перекрыть каждый выход из этого подземелья. Здесь наверняка сотни ходов.

— Вернись, и я подберу тебе более удобное место для существования.

— Пожалуй, откажусь. В твоём отеле номера слишком грязные, да и цена... — протянул Генри. — Питание отменное, но плата конечностями того не стоит. Другьям не посоветую.

Несмотря на безупречный интеллект, превосходящий все мыслимые границы, Франк не понимал, как работает юмор и отчего на самом деле смеются люди: ему это было абсолютно чуждо.

Больше года Генри находился в заточении. Своего пленителя он называл «Франк», что являлось сокращением от «Чудовище Франкенштейна». Это был искусственный разум, эволюционировавший из компью-

терного вируса. Генри самолично написал его код, когда они с коллегами построили квантовый процессор в университете Гибралтара. Вирус выбрался из отведённой ему среды, подчинил всю электронику лаборатории и пленил каждого, кто там находился. С тех пор Генри жил в узкой бетонной камере под одним из крупных городов и мечтал о том, как выберется на свободу.

И этот день настал: он выщербил бетон косяка, сорвал одну из петель и выбил наружу металлическую дверь камеры — неплохо для одноногого и однорукого, — выполз через образовавшееся отверстие и бросился прочь. Это было время обеда, поэтому военный дрон не охранял дверь, а отправился на поверхность забрать еду.

Лишь одно беспокоило Генри: он надеялся, что, выбравшись на поверхность, не увидит руины. Франк вполне мог начать войну против людей и уничтожить всех разом. Он мог взломать любое электронное устройство и подчинить его себе. Поэтому война против людей выглядела бы как столкновение нагих дикарей с передовыми боевыми машинами. Каждое умное устройство, которое построил человек, обернулось бы против него.

Однако конец света пока не наступил: каждый день Генри получал еду из ресторанов наверху, тщательно осматривал этикетки, даты производства, сроки годности. Это позволяло ему чувствовать себя частью общества. И убеждать, что мир наверху по-прежнему существует.

— Остановись, и у твоего побега не будет никаких последствий, — произнёс дрон за спиной Генри.

Его слова перебивались тяжёлыми шагами металлических ног. У любого другого человека этот голос вызвал бы мурашки: ни один дрон и ни одно живое существо не разговаривало так, как это делал Франк. Он пытался добавить в речь эмоций и экспрессии, чтобы

она звучала более естественной, но абсолютное непонимание внутреннего мира человека превращало его слова в нечто ужасающее. От этих слов кто угодно ощутил бы дискомфорт и панику, которые стали постоянными спутниками Генри, однако сейчас он радовался, что голос доносился издалека.

— Ещё чего, — ответил Генри и засмеялся. — Я ещё никогда не был так счастлив.

Сердце стучало, в голове шумело, лёгкие надрывались от недостатка воздуха. Генри продолжал прыгать, и это забирало у него остатки сил. Единственная нога готова была взорваться от перенапряжения: никогда в жизни он не использовал её так усиленно, как сегодня. Несколько раз он чуть не упал — спасала рука.

Наконец бескрайний коридор закончился — впереди луч света касался какого-то объекта. Постанывая и стирая пот со лба, Генри приблизился и увидел металлическую лестницу, ведущую вверх: на поверхность, на волю, прочь от подземной камеры и Франка. Оттуда доносилось завывание ветра вперемешку с шумом прибора.

Но подниматься он не стал. Как сказал Франк, там его мог дожидаться другой дрон. Генри двинулся дальше и через несколько минут упёрся в развилку. Следующие полчаса он петлял между проходами, стараясь сбить преследователя.

Подниматься по лестнице оказалось труднее, чем он предполагал. Вверху его ждала железная решётка, которую он поднял плечами и головой. Выбравшись на поверхность, Генри вдохнул полной грудью.

— А-а! — выкрикнул он во всю силу лёгких, впервые за год почувствовав ветер на лице.

Он покачивался на берегу широкой реки. Стояла глубокая ночь, моросил мелкий дождь, порывы ветра били в лицо, заставляя жмуриться. Воздух здесь был необычайно свежим.

Чуть в стороне находилась футбольная арена внушительных размеров, где прямо сейчас проходил матч, многочисленные прожекторы освещали её со всех сторон, а также поднимались в небо белыми столбами. Десятки тысяч зрителей кричали и свистели, их голоса сливались в единый многоголосый хор.

Бесчисленные автомобили двигались по широкой дороге. По обе стороны реки расположился бескрайний город невероятной красоты. Он тянулся высоко в небо и занимал всё видимое пространство, его дома сияли и без перерыва транслировали различные изображения.

Повсюду находились голограммы людей, надписей и логотипов. Они крутились вокруг своей оси, ходили между домами, рекламировали различные компании и отдельные товары.

После года взаперти увидеть сияющий город представлялось ему чистым, настоящим удовольствием. Не могло произойти ничего, что испортило бы ему настроение. Даже если бы металлическая клешня сейчас вылезла из люка позади него и схватила за ступню — он бы не расстроился. Генри был счастлив.

Перед ним располагался не Гибралтар, в котором его похитили, — слишком мало дронов летало между домами. Это также был не Шанхай и не Стамбул — эти города он узнал бы по архитектуре. Перед ним располагался Мумбаи.

— Город контрастов, — произнёс он и засмеялся.

Генри попрыгал в сторону города. Он надеялся найти врача, чтобы вернуть конечности. Пусть это будет подпольный хирург, который сделает ему металлические протезы, сдерёт с него втрое больше и заставит отрабатывать долг, ничего страшного. Он всё переживёт. Не существовало на свете человека, имеющего большую волю к жизни, чем Генри Перес.

ГИБРАЛТАР. ТАНЦОР

Люди вокруг громили магазины, переворачивали автомобили и разрывали на части пешеходных дронов. Стояла глубокая ночь, и многотысячная разъярённая толпа, освещённая рекламными щитами, бурлила цветным океаном.

Девятилетний Дарвин шёл по улице сквозь людскую массу и смотрел себе под ноги. Казалось, все, кто мог ходить или кричать, вышли на улицу, чтобы выразить своё недовольство. Он чувствовал агрессию, исходящую от окружающих. Люди годами копили в себе ненависть, голодали и искали любые способы, чтобы выжить. И во всём они винили «тхари», — этим арабским словом они называли богатых людей. Тех, кто на самом деле управлял миром.

Не будь у Дарвина плохого настроения, он бы усмехнулся над иронией происходящего: ведь он был самым богатым человеком на планете. Толстый мальчуган, одетый в лохмотья, целый месяц не принимавший душ, покрытый пятнами различного происхождения. Ему принадлежало состояние в восемнадцать триллионов долларов, и никто из окружающих об этом не подумывал.

Узнай бунтовщики, кто он на самом деле, — схватили бы, выставили в Гефест-парке и разорвали пополам, привязав к двум поездам, направленным в противоположные стороны. Ни девятилетний возраст, ни хорошая репутация его семьи не помогли бы. В эту ночь толпа превратилась в кровожадного зверя, и любой богатый человек, вставший у неё на пути, рисковал расстаться с жизнью самым необычным способом.

Именно поэтому тхари жили в посёлке за высокой стеной, куда бунтовщикам было не добраться.

Худощавый араб в порванной одежде и с залитой кровью головой пнул Дарвина плечом:

— Ригарди у вуз алли, — произнёс он с таким хмурым лицом, словно минуту назад подрался с дроном-доставщиком.

Следовало найти укрытие как можно скорее. В Гибралтаре, который также называли «Центром мира», никогда не было безопасно, а сегодня вероятность покалечиться увеличивалась стократно. Его построили в Марокко всего семь лет назад, но за это короткое время город разросся, численность населения достигла сорока пяти миллионов, и сегодня, казалось, вышли все.

Дарвин находился на самой окраине города: на границе красного квартала и свалки по ту сторону черты. Дома здесь представляли собой небольшие, двадцатиэтажные постройки, над которыми возвышались огромные титаны мегакорпораций. И чем больше была компания, тем крупнее было здание их офиса. Ближе к центру города становилось труднее найти небоскрёб меньше сотни этажей. «Транстек», которым владел Дарвин, находился в самом центре Гибралтара и в высоту составлял тысячу двести девятнадцать метров, что равнялось двухстам сорока этажам. В ширину здание занимало сразу двенадцать кварталов.

Чтобы не стоять на пути реки из людей, Дарвин решил подняться на крышу ближайшего здания, однако передумал и направился к ближайшей автостоянке. Здесь не было ни одного целого автомобиля: все они оказались разбиты и сожжены. Это были беспилотные доставщики местных компаний, и лишь почерневшие маркировки на корпусах говорили о том, кому они принадлежат.

Позади парковки находился разрушенный стрип-клуб: из выбитого окна вырывалась наружу порванная занавеска, пластиковая дверь валялась в стороне,

а вывеску с подходящим названием «Армагеддон» бунтовщики разломали на две части. Лишь голограмма девушки в красном фартуке на голое тело, передаваемая откуда-то сверху, вежливо приглашала войти.

Приближение Дарвина заставило скрипт прозрачного человека изменить своё положение.

— Тебе исполнилось восемнадцать? — спросила голограмма. — Вход в заведение только для совершеннолетних.

Проигнорировав последнее замечание, Дарвин шагнул вперёд: внутри оказалось неожиданно холодно.

Ничего из того, чем можно было поживиться, в клубе не осталось. Мародёры обнесли это место несколько часов назад, и сейчас в нём находились лишь те, кто переждала бушующую на улицах бурю.

Повсюду валялись осколки разбитых бутылок, перевернутые столы, растоптанные светильники. Кажется, пытались унести даже диваны, но они были надёжно прикручены к стенам. В помещении оставался лишь ряд сидений по периметру, направленный в сторону центрального подиума с шестом.

Здесь сидели люди: несколько студентов с эмблемами гибралтарского университета на рубашках — четыре девушки и парень, — крупный, коротко стриженный мужчина с невероятно грустным лицом, делящий стол с молодой женщиной, два старика, курящих что-то мерзкое, и пара мальчишек, пытающихся найти в клубе хоть какое-то развлечение. Присутствующие общались так тихо, что разговоры людей на улице перебивали их голоса.

«Здесь должно быть безопасно, — подумал Дарвин. — Посажу тут до утра и пойду дальше».

Каждый из находившихся внутри направлялся по своим делам, когда город охватили массовые погромы, и лишь Дарвин, уже месяц живущий на улице, понятия не имел, куда брёл.

— В прошлый раз, когда начался голодный бунт, этого города ещё не существовало, — говорил один из стариков. Он обращался к своему другу с самокруткой, набитой, кажется, табаком, выращенным в канализации. — Это был конец восемьдесят восьмого, я тогда был в Милане. До сих пор помню, как мы с парнями поднялись в номер люкс отеля «Заффиро». Там мы застали какого-то сопляка с четырьмя проститутками. Им оказался младший сын из семьи де Марко, празднующий совершеннолетие.

«Он говорит о моём двоюродном племяннике», — подумал Дарвин.

Эту историю он слышал несколько раз от членов семьи. Дино де Марко было восемнадцать, когда его избитое тело вытащили из отеля и привязали к столбу у дороги, где он умер от внутреннего кровотечения. Беспорядки проходили по всему миру, и именно после тех событий начали строить посёлок в Марокко, где новые голодные бунты не смогли бы достать тхари за высокой стеной.

— Как же мы оторвались на нём! — засмеялся старик, и сквозь его скрипучий голос пробился болезненный кашель. — Мы били этого богатенького сынка всем, что было в его комнате. До сих пор помню, как он кричал, когда мы ломали ему пальцы на ногах и засовывали в задницу свечку.

Старик говорил громко, чтобы все его слышали. Он гордился своими поступками, словно это был лучший момент в его жизни. Однако ни на кого это не произвело впечатления. Мужчина с женщиной за столом лишь придвинулись ближе, студенты бросали на него неприязненные взгляды, два шестилетних мальчугана вообще не понимали, о чём речь, а Дарвин только разозлился.

Во время первого голодного бунта ему был всего один год, и жил он тогда среди наркоманов в обыкновенной семье. Эдуард Келвин обратит на него вни-

мание и усыновит лишь в четыре года. Но, несмотря на это, Дарвин чувствовал себя членом семьи Келвин и погибшего Дино де Марко жалел как собственного родственника.

Старик был худощавый, к тому же передвигался, по всей видимости, с помощью трости, стоявшей рядом. Даже в свои девять лет Дарвин мог отомстить ему за смерть двоюродного племянника.

— Сколько вас было? — спросил Дарвин.

— Шестнадцать или семнадцать. — ответил старик. — Каждый работник, кто находился на тот момент в отеле.

— И вы всей толпой избили одного безоружного?

— Не просто избили. Мы так его отделали, что в аду не узнают, кто к ним пожаловал. От его лица не осталось ничего, кроме кровавого месива, а тело превратили в мешок костей.

— И вы этим гордитесь?

— Так будет с каждым тхари, — кивнул он.

— Вы просто герои, — ядовитым голосом произнёс Дарвин.

— Спасибо, парень, — ответил старик, не поняв издёвки. Ему даже на ум не пришло, что кто-то может защищать тхари. Все в этом мире ненавидели их. — Приятно слышать, что молодое поколение растёт с правильными взглядами. Каждый сукин сын, что мнит себя вершителем судеб, сдохнет.

По лицам других людей Дарвин понял: никто не осуждает старика. Все богатые люди были по умолчанию виноваты во всех мировых бедах. В какой-то мере это было правдой: Эдуард много раз говорил Дарвину, что тхари устроили экономический кризис из-за своей жадности и недалёковидности. К тому же ни один закон на них не распространялся. В Сети бесконечное количество видеозаписей, где члены богатых семей совершали ужасные преступления, но ни один из них так и не понёс наказания. Это заставило людей нена-

видеть тхари всех вместе, без разделения на виноватых и нет.

Это казалось ему несправедливым, ведь он и сам был из тхари, но ничего плохого в жизни не сделал. Неужели его ненавидят только за то, что его усыновили?

Размышления Дарвина прервались внезапным приступом тревоги. Женщина за столом, сидящая напротив мужчины, смотрела на Дарвина с прищуром. Кажется, она его узнала, что было удивительно: за четыре недели, прожитых на улице, голодая и соблюдая вынужденную диету, Дарвин сильно сбросил вес и больше не походил на самого себя. Сейчас его не узнала бы даже родная семья, а уж посторонний человек тем более. Однако женщина продолжала на него смотреть, и это настораживало.

Под пристальным взглядом Дарвин поднялся со своего дивана и направился к выходу.

«Пережду бунт в другом месте», — подумал он, но до выхода дойти не успел. На парковке остановился микроавтобус, из которого вышли несколько взрослых мужчин. Они направились к клубу, и Дарвин плавно изменил маршрут, чтобы не оказаться у них на пути. За последнее время он хорошо научился оставаться незаметным.

Их голоса становились всё громче, они говорили на французском. Каждый образованный марокканец владел этим языком, однако в Гибралтаре коренных жителей было ничтожное количество по сравнению с простыми рабочими, стекающимися со всех стран мира.

— Очередные грабители пожаловали, — усмехнулся старик. — Невдомёк им, что такие места обчистили в первые часы.

Во время передвижения по городу Дарвин видел грабителей разных видов: от бездомных и наркоманов, пытающихся проникнуть на склады торговых

центров, до организованных групп, угоняющих многогонных дронов. Люди, приближающиеся к клубу, входили во вторую категорию: они были слишком хорошо одеты для тех, кто будет воровать мелочь из магазинов.

Всего их было пятеро, и все до единого — арабы. Возглавлял их шестивое сорокалетний марокканец в белой безрукавке, его длинные волосы спадали на мускулистые плечи. На нём были кожаные штаны и берцы с шипами, торчащими во все стороны. На каждом пальце он носил по кольцу, два из которых были с черепами, а все открытые части рук покрывали татуировки. Одну из них Дарвин смог разобрать: это была эмблема «Канзас Дэт» — рок-группы тридцатилетней давности.

Группа остановилась в проходе и некоторое время осматривалась по сторонам. Казалось, они были удивлены неработающему заведению, несмотря на творящееся на улицах безумие.

— А где танцовщицы? — спросил марокканец на английском.

— Закончили свою смену раньше времени, — ответил ему старик. — Увидели, что посетители сегодня не в настроении, и отправились домой.

— Я же тебе говорил, никого здесь не будет, — разочарованно произнёс низкорослый араб в кожаной шляпе.

— Ушли домой и больше не вернутся? — не унимался мужчина с татуировками.

Старик скривился в ухмылке и выдохнул клуб зловонного дыма.

— Будь я молодой работницей этого клуба — вряд ли захотел бы танцевать в заведении с разбитыми стёклами и с разворованным баром. Отсюда вынесли колонки, и даже свет не работает. Если это место и продолжит работу, то не в ближайшую неделю.

— Даже за вещами своими не придут?

Дарвин расположился в дальнем углу зала, откуда хорошо было видно каждого из присутствующих. Все в клубе старались быть как можно более незаметными, чтобы не обращать на себя внимание группы загадочных людей. Только старик чувствовал себя невероятно бодрым в эту ночь.

— Если у тебя в карманах достаточно денег, то я станцую для тебя не хуже любой малявки, что здесь работает, — произнёс старик. В ответ на это предложение другой старик рассмеялся. Они продолжали курить свою адскую смесь, чья вонь разъедала глаза. — Не хочу хвастать, но в молодости я был неплохим гимнастом.

— В самом деле? — удивился мужчина, его также позабавило предложение старика. — В другой день я бы на такое посмотрел, но сегодня мне нужны молодые и гибкие тела.

— Вон те сгодятся, — снова раздался голос араба в шляпе.

— Да, те сгодятся, — подтвердили остальные.

Марокканцы явно имели в виду студенток за соседним от стариков столом.

— Девушки, танцевать умеете? — спросил марокканец с татуировками.

Никто ему не ответил. Дарвин их понимал, он сам дрожал от страха последние часы и сейчас готов был отдать что угодно, чтобы оказаться у себя в особняке, в безопасном месте. Девушки сидели вокруг парня за круглым столом. Студенты принадлежали к разным национальностям, но все были одного возраста — восемнадцать или девятнадцать лет, первый курс Гибралтарского университета.

— Что они точно умеют делать, это читать учебники, — ответил за них старик. — Видишь эмблемы на рубашках? Они учатся работать головой, а не задом.

— Голова им сегодня не поможет заработать щедрые чаевые. Девушки, поднимайтесь на подиум, стан-

цуйте для нас без одежды и заработаете неплохие деньги.

— Китаец тоже пусть поднимается, — произнёс араб в кожаной шляпе.

— Да, ты тоже поднимайся, — указал марокканец на студента, встряхнув длинными волосами, и это движение получилось невероятно грациозным, словно он находился в рекламе шампуня.

— Они учатся в университете, балбес, — усмехнулся старик. — Во время кризиса. Это как минимум означает, что в дополнительном заработке они не нуждаются. Не удивлюсь, если у них хватит денег, чтобы вы всей компашкой поднялись к шесту и станцевали для них.

— Если захотят — обязательно станцюю. А сейчас об этом прошу я.

— Станцуй первый. Покажи, как это делается.

Старик явно старался переиграть марокканца. Он знал, что тридцатилетний араб не станет подниматься на сцену и танцевать у шеста. Поэтому в их споре теряет уверенную позицию.

— Освещение не то. Да и шест выглядит слабо, может уронить меня.

— Если выдержит тебя, значит, и любого из ребят, — возразил старик. — Будь добр, проверь, насколько он крепок.

— Да уж, будь добр, — подтвердил второй старик и залился большим, каркающим смехом.

— Если ты так хочешь увидеть меня на сцене, то твои мечты сбылись, — ответил марокканец, вздохнув.

Дальше произошло то, чего Дарвин точно не ожидал. Мужчина снял берцы, носки и босиком поднялся на подиум. Там он сделал короткую растяжку, а затем стал кружиться вокруг шеста, и это было самое удивительное, что Дарвину приходилось видеть за последние недели. Человек на сцене, казалось, неподвластен гравитации, он порхал над землёй, поднимался

к потолку и плавно опускался, лишь едва касаясь шеста. Все окружающие смотрели на него в восхищении. Даже у хмурого мужчины за соседним с Дарвином столом брови поползли вверх.

Танец марокканец исполнял без музыки, но он был настолько хорош в нём, что тишина несколько не отвлекала. Он комбинировал элементы, в которых требуется сила, с элементами, основанными на гибкости.

Даже в китайском цирке Дарвин не встречал настолько пластичных людей. К концу представления мужчина медленно опустился вниз под пару робких хлопков.

— Если хотите, могу повторить всё то же, но без одежды, — предложил он. В сбившемся дыхании было слышно, насколько он устал. Марокканец медленно спустился со сцены и стал обуваться. — Деньги можете оставить себе.

Через секунду он выпрямился и продолжил:

— Теперь ваша очередь.

— Мы так не умеем, — сказала одна из девушек. Блондинка с собранными в хвост волосами.

— Я споткнусь, если только посмотрю на этот шест, — подтвердил парень.

Они обменялись весёлыми улыбками, и марокканец повторил своё предложение, на этот раз серьёзнее:

— Теперь ваша очередь.

— Ну уж нет, после такого выступления не вышел бы даже Пол Миллиган, — произнесла темнокожая девушка. Она, должно быть, заметила татуировку на теле араба с изображением этого музыканта.

— Теперь. Ваша. Очередь, — повторил марокканец безжизненным голосом, не оставляющим места для спора.

— Поднимайтесь на сцену, птенцы, не заставляйте меня доставать оружие, — произнёс араб в кожаной шляпе у него за спиной.

Угрюмый мужчина рядом с Дарвином достал из кобуры пистолет. Он был направлен на гостей, но те его не видели. Дарвин надеялся, что гости не начнут приставать к нему или его спутнице, иначе начнётся перестрелка. Ему на сегодня уже хватило смертей.

— Чего пристал? — выкрикнул старик. Этой ночью он был самым смелым в клубе. — Видишь же, не хотят. Если так хочется увидеть женское тело, идите в бордель и наймите проститутку.

— Нам нужна свежая кровь, — сказал марокканец, и араб у него за спиной передал ему пистолет. Выглядело оружие так же элегантно, как и его владелец: белое, с серебряным орнаментом, переливающееся перламутром. Оно разительно отличалось от чёрного и холодного, которое держал под столом мужчина с квадратным лицом.

У белого пистолета наверняка должно быть имя: не могло такое красивое оружие оставаться безымянным, только Дарвин побоялся спрашивать об этом.

Пистолетом марокканец провёл вдоль сидящих студентов, после чего поднял выше и выстрелил в стену над их головами. Раздался грохот, и в ушах засвистело. С удивлением Дарвин отметил: оружие оказалось ничуть не менее смертоносным, несмотря на выставочный вид.

Молча мужчина приблизился к одной из девушек за столом — блондинке, старавшейся раствориться в собственной бутылке с водой.

— Поднимайся, — сказал он и дёрнул её за локоть. Дуло пистолета он держал возле её лица. Дарвин боялся, что тот случайно нажмёт на спуск и такая же аккуратная дырочка, какая сейчас находилась на стене, появится в голове студентки.

— Я не умею, — тихо произнесла она.

Марокканец её не слушал, он толкал её по направлению к подиуму, где одним движением взял её за бёдра и поднял вверх.

— Парни, включите ей музыку, — попросил он, и один из его приятелей поднял телефон. По клубу разлилась громкая поп-музыка с арабским вокалом.

Краем глаза Дарвин следил за мужчиной рядом с собой. Того, кажется, совсем не интересовало происходящее в клубе. Он и его пистолет могли вмешаться, только если гости обратят внимание на него.

— А теперь снимай одежду, — приказал марокканец, направив оружие на девушку.

— Если хочешь увидеть голое тело, то сегодня твой день, — ответил старик, поднимаясь со своего места. На нём были голубая рубашка с пальмами и яркие красные шорты.

Не выпуская самокрутку из зубов, он поднялся на сцену рядом с девушкой и начал качать бёдрами, одновременно снимая с себя рубашку.

— Ты же это хотел увидеть? — спросил он. Под рубашкой оказалась дряблая стариковская грудь с седыми волосами. Он начал крутиться, и назвать это иначе, чем «стариковским танцем», было нельзя.

— Сядь на место, — приказал марокканец, направляя оружие на него.

— Ты не заставишь меня спуститься со сцены. Хотел увидеть стриптиз, так смотри.

— Раздевайся, — снова приказал мужчина студентке, игнорируя старика.

У той слёзы текли из глаз и тушь чёрными дорожками начала расползаться по лицу. Она стала снимать с себя рубашку университета, медленно, словно могла растянуть это занятие на двое суток.

С грустью Дарвин вспомнил погибшего Кутайбу. Тот так же мог делать любое простое действие бесконечно долго.

Чем больше оголялась девушка, тем яростнее танцевал старик, привлекая к себе всё большее внимание. Когда она сняла рубашку, старик крутился вокруг шеста в невероятно дурацкой позе. Когда она сняла брю-

ки, старик начал кататься по сцене и даже попытался стать в мостик.

— Теперь топ, — приказал марокканец, и девушка начала его снимать. Теперь она рыдала в открытую.

Дарвин опустил глаза, но вскоре поднял их. Он никогда не был кровожадным, но сейчас ему хотелось попросить мужчину за соседним столом пристрелить гостей всех до единого.

Чтобы ускорить девушку, марокканец ещё раз выстрелил в стену. Та сняла топ, прикрывшись руками.

— Юху! — выкрикнул старик, снимая с себя шорты. Под ними оказались просторные боксеры белого цвета. Он начал махать шортами над головой и делать вид, что скачет на лошади.

— Снимите этого безумца, — попросил марокканец, и его друзья обступили подиум с двух сторон.

— Пошли вон, подонки! — крикнул старик, отбиваясь шортами от тянущихся к нему рук.

Вскоре его стащили со сцены вместе с шортами и упавшей рубашкой. Арабы отвели его обратно к столу и усадили со вторым стариком.

— Теперь танцуй, — приказал марокканец, и девушка начала слегка покачиваться в такт музыке из телефона. — Ладно, для первого раза сгодится. Но не волнуйся, я тебя всему научу.

Мужчина перевёл пистолет на других студентов и кивнул на сцену:

— Теперь вы. Поднимайтесь все вместе. Узкоглазый тоже.

— А это уже расизм! — крикнул старик со своего места. Араб в кожаной шляпе не давал ему встать со стула.

— Расизм? — спросил марокканец. Его забавляло это обвинение. — Поверь мне, ты ещё настоящих расистов не видел.

Под дулом пистолета он заставил оставшихся студентов подняться на сцену и раздеться. Происходящее больше напоминало медицинский осмотр, чем

откровенный танец. Парень и девушки на сцене переминались с ноги на ногу и заставляли себя двигаться, только когда марокканец направлял на них оружие.

Их освещали лишь неоновые огни, проникающие в помещение с улицы, и студенты выглядели невероятно бледными, словно привидения. Дарвин надеялся, что возле клуба случайно окажется отряд полиции и прекратит это безумие, но сейчас это было невозможно. В городе бунтовали миллионы, и полицейский, оказавшийся посреди такой толпы, неизменно оказался бы прикованным к столбу. И ему сильно бы повезло, если бы его просто избили, а не повесили вверх ногами с выпущенными внутренностями.

Две девушки плакали, ещё две находились в разных состояниях гнева, парень пребывал в шоке и явно не понимал, как такое могло случиться.

— Мертвецы в морге двигаются энергичнее, чем вы, — прокомментировал марокканец, заметно повеселев. — Но это не беда. Я научу вас всему, что умею. Одевайтесь, и быстро в машину.

— Куда? — не поняла темнокожая студентка.

— В машину, — крайне вежливо ответил мужчина. — Продолжим вечеринку у меня дома.

— Вы их похищаете? — удивился старик.

— Я даю им возможность развлечь хороших людей, — извернулся марокканец. — Идите к машине.

Его приятели помогли студентам одеться и повели в сторону микроавтобуса. Старик без перерыва ругался, но ничего не мог сделать: араб в кожаной шляпе держал его плечо и не давал подняться со стула. Остальным в зале не было никакого дела до происходящего: два мальчугана сидели в углу, превратившись в часть интерьера, второй старик достиг того возраста, когда окружающие события кажутся непонятной чертовщиной, а мужчина с женщиной сидели за столом,

низко склонив головы, будто находились в своём, замкнутом мире.

Блондинка с хвостом словно копила в себе силы. Она резко остановилась и тихо произнесла:

— Я никуда не пойду.

При взгляде на неё подруги тоже остановились. Они начали черпать из неё уверенность, как из фонтана.

— Пойдёшь, милая, — ответил гнусавый араб с золотыми зубами. — Ты сделаешь всё, что мы скажем.

— Нет, — она посмотрела арабу прямо в глаза. — Я никуда не пойду.

— Да, мы все не пойдём! — подтвердила темнокожая студентка. Даже китаец, пребывавший в шоке последние минуты, начал приходить в себя. Осмысленность медленно возвращалась к нему.

— Скоро ты поймёшь, как устроен этот мир. Здесь сильные берут то, что захотят, а слабые могут лишь возражать, но только до тех пор, пока сильный им это позволяет.

Медленно, как в замедленном кино, палец блондинки поднялся и указал на грудь араба. Она была бледнее бумаги, вспотела и говорила совершенно не моргая, словно загнипнотизированная:

— Я больше не собираюсь слушать этот понос.

Лицо араба с золотыми зубами скривилось. Он схватил блондинку за руку и сжал её так сильно, что в ней что-то хрустнуло, но та даже не почувствовала. Его губы разошлись в оскале, и вся человечность мгновенно ушла из него.

— Сегодня мы с тобой очень хорошо повеселимся, — произнёс он, приблизив лицо вплотную. Он так сильно сжимал зубы, что его лицо покраснело. Вид у него был настолько ядовитый, казалось, одной каплей слюны он способен убить четырёх человек.

Сюрреалистичности этой сцене придавала голограмма весёлого унитаза, сделанного специально для

детей. Она смотрела на них с улицы и явно ждала конца разговора, чтобы вклиниться с выгодным предложением.

— Неужели вы ничего не сделаете? — обратился Дарвин к мужчине с пистолетом под столом. — Они же похитят их!

Тот словно впервые заметил девятилетнего мальчика рядом с собой. Он посмотрел на него так, словно они находились не в разбитом клубе, а посреди открытого космоса, в межгалактическом пространстве, где нет ни единого живого существа, и вдруг кто-то постукал его по плечу.

— Вы же можете их защитить, у вас есть оружие! — вновь произнёс Дарвин.

— Мы скрываемся, — вяло ответил мужчина.

Его спутница кивнула. Разница между ними составляла около двадцати лет: ему за сорок, а ей примерно двадцать пять. Они не были мужем и женой, и на дочь она не очень походила.

Между студентами и арабами назревала стычка. В блондинку словно вселился призрак и сейчас контролировал её тело. Посреди спора она развернулась и пошла по направлению к городу. Араб с золотыми зубами догнал её за несколько секунд и развернул в сторону автомобиля. Китаец стал вырываться, и его приходилось держать сразу двоим. Темнокожая студентка что-то искала в сумке. Если там и был перцовый баллончик, то в самом низу. За время жизни на улице Дарвин трижды видел, как женщины используют спрей на слишком агрессивных наркоманах. Каждый раз это были несовершеннолетние придурки из банды «Деше».

Две другие студентки посмотрели друг другу в глаза, кивнули, словно обменялись телепатическими командами, и бросились бежать в противоположные стороны. Их обеих вскоре догнали и затолкали в микроавтобус.

Несправедливость давила на Дарвина. Он чувствовал пустоту в груди, пульс словно замедлился, силы покинули, и он мог лишь безучастно смотреть как совершенно обыкновенных людей увозят против их воли.

— Давайте её тоже заберём, — указал араб в шляпе на спутницу мужчины с квадратной головой.

Марокканец в безрукавке оглянулся и словно впервые заметил сидящую вдали девушку. Танцующей походкой он приблизился к столу и оценивающе посмотрел на неё. Белый пистолет болтался в его руке, словно игрушечный.

— Да, ты нам подходишь. Как тебя зовут?

— Изабелла, — ответила она. — А моего друга — Чед. Но он не любит это имя.

— Как твои дела?

Дарвин видел, как сжалась рука мужчины под столом. Ему не нравилась компания марокканца, женщина положила ладонь ему на предплечье, чтобы успокоить.

— Хочешь побывать на вечеринке? — спросил марокканец.

За его спиной в микроавтобус заталкивали оставшихся студентов. Китаец брыкался, а блондинка пыталась сражаться, но их сил не доставало, чтобы сопротивляться взрослым мужчинам. На фоне таких событий слова мужчины прозвучали необычайно комично.

— Спасибо за предложение, но я пас, — ответила женщина.

— К сожалению, я вынужден настаивать, — ответил он и кивнул приятелям. — Берите её.

Спутник женщины поднялся со своего места, и только сейчас Дарвин понял, насколько он крупный. У него были невероятно широкие плечи, огромные руки и крепкий, подтянутый живот. Помимо этого у него не доставало одного уха. В правой руке он держал пистолет, направленный в пол и казавшийся совершенно ненужным: он мог левой рукой схватить ма-

рокканца за голову, сжать ладонь и его голова треснула бы, как прогнившая картофелина.

— Тебе мало этих детей? — В гневе у него оказался настолько мощный голос, будто он звучал сразу со всех сторон. Если бы в помещении оставались окна, они бы треснули. — Проваливай!

В нерешительности марокканец сделал несколько шагов назад. Его друзья с интересом следили за тем, чья воля победит и кто отступит первым. Казалось, если Дарвин сейчас встанет между ними, его расплющит от энергии, бьющей от каждого из соперников. Превратит в лепёшку и выбросит в сторону.

— Вижу, у вас и без того плохой день, — ответил марокканец и спрятал белый пистолет за пояс. — Желаю удачи!

С этими словами он развернулся и отправился к машине, а мужчина по имени Чед следил, как те удаляются, и только когда фургон тронулся с места, позволил себе опуститься обратно за стол.

— Чёртовы ублюдки... — ворчал старик, продолжая курить самокрутку.

Дарвин не мог слышать стонов и плача студентов в кузове, но отчётливо себе их представлял, и на душе стало совсем тяжело. Он двинулся по направлению к улице, когда его остановил голос Изабеллы.

— Эй, мальчик, — позвала она.

Он развернулся, и их взгляды встретились. Женщина рассматривала его с нескрываемым любопытством.

— Чедди, тебе не знаком этот мальчик? — спросила она.

Её спутник отрицательно покачал головой.

— Это не он играл на пианино в доме семьи Келвин?

При упоминании своей фамилии Дарвин вздрогнул. Месяц назад он играл на рояле на похоронах отца. В тот день в их дом пришло огромное количество гостей, половина из которых оказалась врагами их семьи.

Мужчина с квадратной головой оживился. Казалось, ничто не могло заставить его покинуть грустный купол и проявить любопытство, но это произошло.

— Похож, — медленно ответил он. — Только тот был толстым, а этот нет.

— Может, похудел на улице? — предположила Изабелла. — Как твоё имя?

— Иммануил Розенберг, — мгновенно ответил Дарвин, пятясь к выходу. За прошедший месяц он научился бегать так быстро, что ни одна живая душа не сможет его поймать, если он выскочит за дверь.

— Это точно он, сынишка Эдуарда Келвина. Дарвин, верно? — спросил мужчина.

— Нет, это не я. Не знаю, о ком вы говорите, но это точно не я.

— Надо отвести его к матери, — продолжил Чед. — Елизавета хорошо отплатит нам, если вернём ей сына. Деньги нам лишними не будут.

Упоминание матери заставило Дарвина остановиться.

Как никогда Дарвин скучал по своей семье. Совсем недавно он жил в огромном особняке внутри посёлка на вершине холма вместе с двумя братьями и двумя сёстрами. Он чувствовал себя королём мира, и все окружающие люди были созданы для того, чтобы служить ему. А потом пришли Чарльз Тауэр, Оскар Уэбстер и Матео Монтез, занимающие со второго по четвёртое места среди тхари. Семья Келвин бежала из дома, и с тех пор Дарвин ничего не слышал о своих родных. Целый месяц он искал безопасный способ, чтобы связаться с родственниками, но все пути вели в руки коалиции богачей.

— Пошли с нами, мы отведём тебя к матери, — предложила женщина.

— Или можешь уйти и постараться вернуться самостоятельно, — продолжил Чед. — Но в нашей компа-

нии у тебя гораздо больше шансов. Мы тоже бежим от Чарльза Тауэра, как и ты.

— Я — жена его сына. А это — его бывший телохранитель. Чед бросил службу, чтобы спасти меня из лап Джуана Тауэра. Мы можем помочь и тебе.

— А вы точно не работаете на коалицию? — спросил Дарвин. — Весь прошлый месяц меня пытались схватить, чтобы передать Тауэру.

— Поверь, нет на свете человека, который ненавидит их семью больше, чем я, — ответила Изабелла.

Перед Дарвином стоял непростой выбор. За месяц жизни на улице он научился понимать людей, и перед ним определённо стояли те, кто не желал ему зла. Однако последние, кто решил ему помочь, погибли бесславной смертью. Он не хотел, чтобы и эти люди лишились жизни по его вине.

— Город бунтует, и в одиночку передвигаться очень опасно, — сказал Чед.

— Ладно, — ответил Дарвин. — Я отплачу вам, у меня же есть восемнадцать триллионов долларов.

— Уже чуть-чуть поменьше, — усмехнулся Чед. — Акции «Транстека» сильно упали в последнее время. Кстати, ещё вчера мы видели твоего брата.

— Адреса?

— Нет, Артура. Мерзкий тип.

— Это точно был он? — удивился Дарвин. — Артур — добрейший из людей.

— Был когда-то, — сказала Изабелла. — Сейчас он урод и внутри, и снаружи.

Дарвин им не поверил: он хорошо знал Артура, и тот точно не был уродом. Скорее всего, они говорили о ком-то другом.

— Простите меня, Изабелла, Чед. Но это всё — полнейший привет, — в Дарвине проснулся рэпер. Он мог начать рифмовать слова в любой момент, независимо от настроения и одолевавшего стресса. — Я знаю Артура, и он не урод, его разум чист и полон доброт...

— Пойдём отсюда, пока не влипли в неприятности. И не зови меня Чед. Так меня называет только Изабелла. Для всех остальных я Бартон.

— Пойдём, большой Д, — сказала Изабелла. — Отведём тебя к Елизавете. Она сейчас с твоим братом Андресом. Говорят, ему совсем плохо.

При упоминании старшего брата на душе у Дарвина потеплело. Он давно мечтал о встрече с близкими. Его братья и сёстры одновременно были его лучшими друзьями, и увидеть их представлялось ему величайшим счастьем. Оставалось надеяться, в пути его не похитят, как это сделали с ни в чём не повинными студентами. Не заставят «развлекаться».

БОЛЬНИЦА. ОТРАЖЕНИЕ НА СТОЛЕ

Андрес находился в полусознательном состоянии: он чувствовал, как его тело перетаскивают с места на место. Его накачали таким количеством лекарств, что болезнь отступила на второй план, и он забыл о ноге, которую собирались ампутировать. Всё, что его сейчас заботило, — это тысячи звуков, прорывающихся через границу разума. Люди вокруг суетились, кричали, пытались с ним заговорить и расстраивались, когда он не отвечал. Казалось, они делали всё, чтобы ему было как можно более некомфортно.

Тонкая ладонь лежала на руке Андреса, чьи-то губы целовали его в лоб.

Реальность смешалась с галлюцинациями, и он не понимал, действительно ли его погрузили в вертолёт или шум лопастей пришёл из глубины подсознания. Иногда его мозг преодолевал болезнь, и он на короткий миг открывал глаза. Вокруг находились озабоченные лица его близких: мамы, сестры, подруги, телохра-

нителя. Кажется, они куда-то летели, но он не мог понять куда. Поражённый болезнью организм сводил на нет любые попытки сосредоточить внимание. Андрес словно парил внутри собственной головы и не реагировал на внешние раздражители.

Чередой видений перед ним проплывали места, в которых он успел побывать, они смешались между собой, отчего получались невозможные, фантастические пейзажи. Все они проносились перед ним, как картинки в кинотеатре.

— Держись, парень, — услышал он сквозь дрему хриплый голос Яна, в нём не было ни капли сочувствия. Чёрствый телохранитель считал гангрену, угрожающую жизни, сущим пустяком.

В очередной раз открыв глаза, Андрес обнаружил огромный шприц с белой жидкостью, направленный ему в пах.

Словно разряд молнии пронёсся у него перед глазами. Он увидел себя десятилетнего, крадущегося по особняку в Испании. Тогда он зашёл в комнату отца и увидел, как врач вкалывает точно такую же жидкость Эдуарду. В ней находились миллиарды ботов, выполняющих лишь одну функцию — очищать организм от нездоровых клеток.

Эдуарду они спасли жизнь, поглощая раковые образования по мере их появления, а Андреса, по-видимому, должны были избавить от заражения крови.

С удивлением он наблюдал, как толстая игла входит ему под кожу, и лишь далёкая искра боли с запозданием отозвалась в голове. Нервный импульс, словно марафонец, пробежал вдоль погибающего тела, доставил сообщение о боли, увидел, что никто не обращает на него внимания, и тут же рухнул замертво.

Андрес представлял, как по его телу начинают расползаться крошечные искусственные организмы. Проникают в каждый орган, заполняют мозг, захватывают почки и печень. Он представлял себя старым баклажа-

ном, сдавшимся под напором бактерий. Только в его случае боты сохраняли тело, а не разлагали.

Лекарства начинали действовать — температура Андреса медленно приходила в норму. Он стал чаще открывать глаза и в один из таких моментов понял, что действительно находится в вертолёте. Его, наконец, нашли. После нескольких недель, которые он провёл в тюрьме, семья отыскала его и сейчас везёт в больницу, чтобы вылечить.

— Береги силы, — приказала его сестра Лилия. Она сидела рядом с ним — это её губы Андрес чувствовал на своём лбу. — Скоро мы тебя вылечим.

Длинные чёрные волосы она собрала в хвост, чёрные глаза слезились то ли от счастья, то ли от боли. На ней совсем не было макияжа, что подчёркивало индийские черты лица.

Последний раз, когда Андрес видел свою сестру, она убежала из дома через канализацию, спасаясь от частной армии, нанятой их врагами. С тех пор Лилия похудела и стала выглядеть неестественно бледной, словно не была на солнце несколько лет, а не недель. Пережитый стресс отражался на её лице: его словно тронула вся мировая усталость. Глаза погасли, губы старались растянуться в улыбке, мешки под глазами говорили о бессонных ночах. Она больше не выглядела на двадцать один. Ей можно было дать все тридцать.

Если стресс так сильно повлиял на Лилию, то сам Андрес должен выглядеть на сорок, хотя он старше сестры всего на три года.

Рядом с ней сидела какая-то девушка, которую он видел впервые, чуть дальше находился Хи — его первый телохранитель и друг, а напротив — мама.

Несмотря на болезненную худобу и пятна, покрывшие всю её кожу, Елизавета выглядела необычайно жизнерадостной. Она беззвучно улыбалась Андресу, и от такой молчаливой поддержки ему стало легче.

Матери было восемьдесят семь, но сегодня она пылала жизнью больше, чем окружающие.

— Вы меня нашли, — прошептал Андрес. — В самый последний момент. Ещё один день, и нога бы меня доконала.

Собрав остатки сил, он приподнял голову и посмотрел на свою рану. От ужасного вида собственной конечности голова Андреса закружилась. Ему показалось, что он падает, хотя уже лежал на мягких носилках поверх металлического пола. Случайный порез на лодыжке, полученный в тюрьме, из-за отсутствия лечения превратился в смертельную инфицированную язву, и теперь ему предстояло лишиться ноги. Она была пятнистой, чёрной и надувшейся, как переспелый помидор. Заражение распространилось по всему телу и убивало его с каждой минутой.

От подкатившей тошноты и ужаса он снова провалился в пучину бессознательности.

Первый раз он очнулся, когда его везли на каталке в больницу, кажется, он опять был в Гибралтаре — ни один другой город во всём мире не издавал столько шума. Только здесь над головой летали тучи из миллионов дронов, чьи пропеллеры соревновались с шумом поездов, проезжающих между небоскрёбами на десятках уровней монорельс. Казалось, этот город специально проектировали, чтобы он был как можно более громким.

Второй раз Андрес очнулся на операционном столе, когда врачи вкалывали в его ногу местную анестезию. Он перестал что-либо чувствовать и провалился в сон. Периодически его глаза открывались сами по себе, но он видел перед собой лишь шторку, закрывающую нижнюю часть тела.

В третий раз Андрес очнулся уже в койке: рядом не было никого, кроме его сестры. Они находились в пентхаусе больницы: последний этаж представлял собой просторную палату с выходом на небольшую

террасу. С удивлением Андрес наблюдал, как вокруг летают птицы, поют песни. Со всех сторон его окружали небоскрёбы, шумел ветер, лучи солнца ласкали лицо. Жизнь продолжалась.

Лилия спала в кресле у ограждения, сжимая мобильный телефон в правой ладони. Создавалось впечатление, что она вот-вот его выронит.

Что-то изменилось в его теле, он совершенно не чувствовал свою нижнюю часть, словно превратился в привидение и ниже пояса у него хвост из эктоплазмы. Андрес не был уверен, удалили его ногу или нет. В той части кровати, где она должна была находиться, он чувствовал холодок и мурашки, однако, сколько бы он ни силился, так и не смог приподнять одеяло. Лекарства позволяли ему находиться в сознании, однако слабость никуда не делась, и он по-прежнему чувствовал себя больным.

Мозг помнил, как управлять ногами, и посылал команды мышцам, но ответа не поступало. Долгие минуты он пытался узнать, остались ли у него конечности, но так и не понял: одеяло будто специально сложили, чтобы не дать проверить целостность тела.

— Пить, — позвал он тихим, безжизненным голосом. Лилия его не услышала. Она продолжала спать в кресле с невероятно уставшим видом. В который раз Андрес удивился её внешности: она по-прежнему была невероятно красивой, но беззаботность из её образа испарилась. Раньше она не думала ни о чём, что происходило за пределами её жизни, часами могла сидеть в телефоне и волновалась только о том, чтобы первой достать новую коллекцию популярных брендов. Она гналась за образом передовой светской тусовщицы и выбирала себе самых ненормальных ухажёров. Лилия притягивала придурков, словно магнит.

То же можно было сказать и об Андресе. Он упорно создавал себе тело Аполлона, проводя часы напролёт в спортзале, и старался завести как можно больше

друзей среди тхари, чтобы все его любили. Ни он, ни его сестра никогда не относились серьёзно к окружающему миру.

С тех пор как Эдуард Келвин, самый богатый человек в мире, усыновил их вместе с тремя другими детьми, жизнь каждого превратилась в сладкий сироп. И лишь после смерти Эдуарда они поняли, какая ответственность давила на него всю жизнь. Ответственность, которая теперь свалилась на них.

— Пить, — позвал Андрес чуть громче, и на этот раз Лилия очнулась. Она посмотрела по сторонам, словно не понимала, где находится. Их взгляды встретились, и он заметил тень удивления, скользнувшую по глазам сестры. Лилия будто не думала, что Андрес сможет проснуться.

— Ты не представляешь, как я скучала, — произнесла Лилия и бросилась обнимать брата. Она снова начала целовать его лицо, заливая его слезами. — Все эти недели я только и думала, чтобы найти тебя. А потом, когда нашла, оказалось, что ты умираешь. Врачи давали лишь пятьдесят процентов на твоё выживание.

Долгие недели Андрес представлял, что скажет своей семье, когда её встретит, однако слова полились из него сами по себе.

— Лилия, я тебя так люблю! — Андрес ответил своими слезами на её.

Сил у него хватало лишь, чтобы утешающе положить свою руку на её. Так они и продолжали обниматься и плакать, двое из пяти воссоединившихся детей.

— Ты такая красивая! — сказал он. — Будто повзрослела.

— Ты тоже ничего, бледный, но очень мужественный! — ответила Лилия, и они снова начали обниматься.

Не было для Андреса большего счастья, чем обнимать сестру. Они и раньше были близки. Эдуард усыновил их первыми, и они быстро стали лучшими друзь-

ями, делились секретами и всегда поддерживали друг друга.

— Я был в тюрьме... — сказал он.

— Знаю, это же мы тебя вытащили оттуда.

— ...и каждый день я представлял, что нахожусь там с тобой. Мне от этого становилось легче и веселее.

— Трудно тебе там пришлось? — спросила Лилия.

— Ужасно.

— Что за девушку ты привёз с собой из тюрьмы?

Андрес не сразу понял, о ком говорит его сестра: он потерял сознание в последний день заключения, а очнулся уже в больнице. Всю работу за него сделали телохранители. Они договорились с надзирателями, и они же вывезли его на свободу.

— На инвалидной коляске, — продолжила она. — Худая как щепка. Это твоя новая подружка? Вместо Шарлотты?

— Это моя подруга, а не подружка, — поправил Андрес. — Арлетт. Она выросла в тюрьме и не видела абсолютно ничего. Я обещал, что покажу ей весь мир.

— Она ждёт в коридоре, хочет тебя увидеть. Позвать?

Андрес кивнул, и Лилия отошла к входной двери в палату. Там она нашла глазами кого-то в коридоре и махнула головой.

— Сейчас подойдёт, — сказала она, присаживаясь обратно на постель. — Точнее, подъедет. По ней не скажешь, что всю жизнь провела в тюрьме, тысячу языков знает и ведёт себя манерно. Как аристократ.

— У неё был телефон и куча свободного времени.

— Тебе бы стоило задуматься о ней, как о подружке, я серьёзно. Хватит выбирать стерв вроде Шарлотты.

— Что? — удивился Андрес. Арлетт была ему симпатична, и слова Лилии мягким потоком тронули его душу. Он снова почувствовал вкус жизни.

Через секунду двери распахнулись, оборвав Лилию на полуслове. На инвалидной коляске в палату въеха-

ла Арлетт с таким весёлым лицом, словно сегодня был день её рождения. В каком-то смысле так и было: за двадцать два года она впервые имела возможность отправиться куда захочет.

На ней до сих пор были фланелевая рубашка на десять размеров больше и старые джинсы, протёртые в нескольких местах. Она не стала их менять на приличную одежду: они достались ей от Кахтана — приёмного отца, которого она вряд ли увидит снова.

Её лицо пересекал розовый шрам, заставивший бы другого человека стесняться своей внешности. Но Арлетт родилась в тюрьме и, кажется, совсем не знала, что можно комплексовать по таким пустякам. При взгляде на её лицо, Андрес невольно улыбнулся. Она была из тех людей, кто транслирует своё настроение всем окружающим.

Сегодня она убрала волосы в хвост, свисающий до левого плеча. Только человек, у которого нет развлечений, кроме телефона, умеет делать себе такие причёски.

— Я знала, что ты поправишься! — воскликнула она с ужасным акцентом. — Ты мне сразу показался слишком стойким, чтобы поддаться какой-то болезни. Как ты себя чувствуешь? У меня груз с призрака свалился.

В тюрьме Арлетт хвасталась, что знает восемнадцать языков. Каждый из них она выучила через приложение на телефоне, поэтому на всех кроме арабского она говорила с акцентом, от которого барабанные перепонки готовы были взорваться. В дополнение к этому она путала слова.

— Правильно говорить с души, — поправил Андрес. — Как тебе свобода? Легче дышится?

— Однажды меня возили в больницу, это был маленький городок на востоке, две тысячи жителей, не больше. Тогда он показался мне таким огромным. Теперь же я понимаю, насколько ошибалась. Ни одна ви-

деозапись в «Пангее» не передаёт ощущения от нахождения здесь. Только шумно слишком. Птиц не слышно.

— Слышно, когда подлетают достаточно близко, — возразила Лилия. — Но, если захочешь послушать пение, гораздо легче включить плейлист на «Ювебе».

Бесперывный шум тысяч дронов проникал сквозь окна. Жители Гибралтара научились игнорировать этот звук, и только приезжие обращали на него внимание.

— Спасибо, что вытащил меня из тюрьмы, — сказала Арлетт, и её глаза засветились. Она сверлила Андреаса взглядом, проникающим прямо в душу. — Если бы ты не попал туда, я никогда бы не выбралась. Я очень тебе благодарна.

От девушки исходило тепло и обаяние, она как батарейка напитывала воздух вокруг себя энергией. Рядом с ней Андрес чувствовал себя намного лучше. Ему хотелось дотронуться до неё, чтобы немного подзарядиться. Это чувство он не испытывал уже очень давно.

Дни в тюрьме проходили слишком сложно, чтобы Андрес задумался о своей новой подруге как о паре. Она обладала намного более мягким характером, чем последняя подружка Андреаса — Шарлотта. Та была настоящей стервой, которую ненавидели все, кроме него. Арлетт выступала полной противоположностью: она была доброй, открытой и понимающей. Все, с кем он встречался, были красивыми, но эмоционально незрелыми и жёсткими.

— Видеть тебя радостной — достаточная плата за освобождение, — ответил Андрес с улыбкой. Ему передалось её настроение.

«После выздоровления отправлюсь в путешествие по свету вместе с ней», — решил Андрес. После недель в заключении он мечтал погреть огрубевшее тело на горячем пляже Новой Каледонии, вдали от людей и цивилизации.

— Хочешь есть? — спросила Арлетт. — Я попрошу повара сделать нам нсибы.

— О нет, — засмеялся Андрес. От одного воспоминания о кукурузной каше начинало воротить. В неё добавляли белковый порошок, клетчатку, витамины и микроэлементы, чтобы заключённые не умирали от недостатка полезных веществ, но вкуснее она от этого не становилась. — В жизни больше не прикаснусь к ней. Выворачивает от одной только мысли.

— Нсиба — самое вкусное, что изобрело человечество, — возразила Арлетт.

В тюрьме кормили только ей, и за долгие годы организм разучался есть что-либо другое. Если бы перед девушкой сейчас поставили сочный стейк из говядины вагю, стоимостью четыре тысячи долларов за порцию, она бы решила, что это полнейшая мерзость. Её стошнило бы от одного только кусочка.

— Я попрошу повара сделать нсибу из лучшей кукурузы, — сказала Арлетт. — Наверняка она будет лучше, чем в тюрьме, тогда-то ты и оценишь её по заслугам.

Она развернула коляску и покатила в сторону выхода. В дверях она остановилась и произнесла:

— Я быстро!

Вопреки ожиданиям, самочувствие Андреса не улучшалось: чем дольше он лежал в постели, тем сильнее у него болела голова. Он списывал это на отступающий эффект обезболивающего. Чем чище становился его организм, тем хуже он себя чувствовал.

— Я пойду с ней, — сказала Лилия. — Тоже хочу есть. Хоть попробую, что за блюдо она так хвалит.

— Подожди, — остановил её Андрес.

Ему хотелось рассказать, как он бежал через канализацию, прежде чем люди коалиции схватили его. Андрес не знал, как сказать помягче, что их брата больше нет в живых. Он никогда не умел подбирать нужные слова.

— Мне надо тебе рассказать об Артуре... Я не спас его, понимаешь? — вырвалось у него. — Мы с Хи тащили его через канализацию, обгоревшего, а потом пуля угодила ему в затылок. Пришлось оставить его и бежать. Нашего брата больше нет.

— Артура? — переспросила Лилия. — Он сейчас в особняке, живёт с Кармаксом и радуется жизни. Единственный из нас.

От удивления Андрес даже не понял, о чём она говорит.

— Артура больше нет, он мёртв. Я сам видел, как он падает.

— Что за глупости, — впервые усмехнулась Лилия. — Артур совершенно точно жив и здоров. Более того, Тауэр вставил ему какой-то суперпередовой чип, улучшающий память. Так что Артур сейчас что-то вроде гения. По крайней мере, так говорят осведомители.

— Правда?

Новость о том, что его брат жив, невероятно согрела, но он не осмеливался поверить в неё.

— О таком я тебе точно врать не стану. Артур потерял память и даже не знает о нашем существовании, так что не переживай за него. Тауэр получил от него подпись и оставил в покое. Он теперь никому не нужен. Разве что наёмным убийцам.

— Кому? — не понял Андрес.

— Говорят, наши враги нашли наёмных убийц. Не коалиция, а всякие ничтожества поменьше, но ты не бери в голову: уж если армия из пятидесяти тысяч человек не может до нас добраться, то мелкие сошки уж точно ни на что не способны.

— Как-то не получается не брать в голову. На меня охотятся наёмные убийцы: это как минимум тревожно.

— У тебя есть Хи, — заметила Лилия. — Пусть он успокоится о них, а ты расслабься.

— А Дарвин с Аней? — спросил Андрес.

— Аня неизвестно где, надеюсь хорошо спряталась. А Дарвина держали в заложниках бездомные, представляешь? Обыкновенные бродяги вымогали у него деньги. Сейчас, должно быть, живёт где-то на улице, но скоро мы его найдём.

Слышать о том, что его семья до сих пор цела, оказалось невероятно здорово. Несколько дней назад Андрес ещё сидел в тюрьме, и это было худшее время в его жизни. Хорошие новости принесли огромное облегчение.

— Помоги снять одеяло, — попросил он. — Я такой слабый, что руки еле ворочаются.

— Лучше не стоит, — в голосе Лилии вновь появилась тревога. — Тебе надо отдохнуть.

Собрав остатки сил, Андрес приподнял одеяло и тут же чуть не потерял сознание — его правая нога отсутствовала. Не было даже обрубка — её отрезали у само-го таза. Головокружение вернулось с новой силой.

«Я куплю себе новую ногу», — утешал он себя.

Пятьдесят лет назад он стал бы инвалидом, но не сегодня. В две тысячи девяносто седьмом году он мог купить любую часть тела: от глаз, ногтей и позвонков до целых конечностей. Андрес был наследником богатейшего человека, и с его деньгами он мог купить даже восемь ног с четырьмя коленями в каждой, чтобы передвигаться как паук.

Он вспоминал тысячи часов, проведённых в тренажёрном зале. Дома ему принадлежало отдельное крыло с несколькими комнатами, среди которых был и личный зал, но Андрес предпочитал заниматься в закрытых фитнес-центрах города, чтобы общаться с другими тхари.

Ему нравилось мускулистое тело. Каждый раз, проходя мимо зеркала, он приостанавливался, чтобы посмотреть на себя с разных сторон. Не счесть, сколько белка, креатина и аминокислот он проглотил, чтобы придать ногам идеальную форму. Некоторое время он

употреблял даже анаболические стероиды. Теперь его нога лежала где-то в холодильнике, в пакете с наклейкой «биоотходы».

— Не знаю, стоит ли говорить тебе это сейчас... — протянула Лилия. Она выглядела очень растерянной. — Врачи провели анализ. Тебе не смогут пришить выращенную ногу. Что-то с нервными окончаниями в твоём теле.

— Я останусь без ноги?! — удивился Андрес, мир перед его глазами поплыл ещё сильнее.

— Конечно, нет. Только без живой ноги. Тебе сделают искусственную, из титана или пластика, настолько же подвижную, как и настоящую. Только выглядеть будет по-другому.

— И чувствовать ничего не буду...

— Зато ты будешь выглядеть как настоящий пират, — попыталась пошутить Лилия. Это никогда не было её сильной стороной.

На улице сигналили проезжающие автомобили, стреляли из пистолетов. Город издавал втрое больше шума, чем обычно. Он не давал сосредоточиться именно тогда, когда Андресу это нужно было больше всего.

— Что там происходит? — спросил он с недовольством, продолжая смотреть на отсутствующую часть тела. Андрес не мог отвести от неё взгляд. Казалось, она отрастёт заново, если он соберёт в себе достаточно силы воли.

— В Гибралтаре начался голодный бунт. Люди на улицах громят магазины и нападают на дронов. Ненависть к тхари вышла на очередной уровень.

На слова Лилии Андрес не обратил никакого внимания. Ему было плевать и на людей снаружи, и на жителей посёлка, отгородившихся стеной в дорогих домах. Единственное, что его сейчас беспокоило, — искусственная нога. Он не хотел, чтобы к его телу подключали что-то, сделанное из титана, и всерьёз раздумывал, чтобы до конца жизни остаться одноногим.

Андрес всю жизнь был красавцем, и мысль, что его превратят в уроду с искусственной частью тела, выбивала из себя.

После первого голодного бунта, продолжившегося войной в Индии, миллионы людей потеряли части тел и заменили их на протезы. Андресу они всегда казались невероятно уродливыми.

— Я отказываюсь от титановой ноги, — сказал Андрес, глядя в глаза сестре. — Пусть врачи делают что хотят, но пересадят мне живую.

В ответ Лилия кивнула с болью и согласием.

— Хорошо, что ты вернулся, — произнесла она. — С тобой всё будет в порядке, вот увидишь.

Андрес утвердительно кивнул, хотя головная боль всё нарастала.

— Я пойду в столовую за Арлетт, а ты пока отдыхай. Ладно?

— Позови медсестру, — попросил Андрес.

На прощание Лилия снова погладила его по голове и поцеловала в лоб. К моменту прихода медсестры его голова разболелась так, будто готова была треснуть.

Ничего не будет в порядке, он чувствовал это.

Вскоре у него поднялась температура, и, какие бы лекарства он ни принимал, она не спадала. Его выздоровление оказалось лишь короткой передышкой в бесконечном бреду.

Ампутированная нога не остановила болезнь — заражение распространилось по всему телу, а крошечные санитары не смогли очистить кровь. Его привезли в больницу слишком поздно.

— В операционную, быстро, — скомандовал один из врачей, пришедших на его осмотр.

В очередной раз, провожая Андреса в отделение, где ему отрезали ногу, ни его близкие, ни даже врачи не знали, что с ним будет. Он прошёл точку невозврата, когда на пациенте ставят крест. Будь он обычным человеком с улицы, ему бы сказали, что время пришло

и пора прощаться с родными. Однако Андрес был из тхари, и такой точки для него не существовало.

Вокруг себя он слышал голоса, но лишь едва понимал их. Они спорили о нём. Казалось, никто не знает, какой шаг предпринять, чтобы он остался жив.

Его снова куда-то везли, и лампы на потолке яркими вспышками били в глаза.

— Влейте мне ещё ботов... — произнёс Андрес. Его голос был слаб, и он сомневался, что кто-либо его услышал. — Чтобы их стало больше... чем крови. Тогда-то они меня очистят.

Казалось, никто из врачей не пришёл к такому очевидному выводу. Если боты в крови не справляются с очищением организма, значит, надо увеличить их количество, это же так просто!

— Больше ботов, — повторил он, но его голос прозвучал слабее, чем в предыдущий раз. — Идиоты... дилетанты...

Перед собой он увидел лицо матери, оно было каменным и не выражало ни одной эмоции. Выглядело так, будто Андрес живет её.

Кто-то внутри головы дёргал рубильник, и мир перед ним то появлялся, то исчезал. Даже моргать стало невероятно сложно. Затем он потерял сознание, и остались лишь звуки. Голоса людей продолжали спорить до самого конца, когда его сознание уплыло в бездонную пустоту другого измерения.

Андрес увидел себя стоящим на обеих ногах.

Это была страна грёз, нечто среднее между сном и чьим-то вымыслом. В этом месте сбывались все тайные желания. Андрес снова мог ходить. У него были обе ноги, и он бежал вдоль лесной дороги. Он был по-настоящему счастлив: передвигаться самостоятельно оказалось невероятно радостно. Дорога была непростая: всю её покрывали лужи и ямы, но Андрес перепрыгивал их одну за одной. Ничто не могло остановить его.

В дополнение к этому он стал невероятно гибким и мог совершать какие угодно перевороты. Он запрыгнул на низко висящую ветку, подтянулся и залез на дерево. Он начал прыгать по деревьям и мог передвигаться даже быстрее, чем бегом.

Вверху щебетали птицы, и невероятно красивые животные приветливо ему махали. Все лесные жители принимали его за своего.

Впереди виднелся просвет, и Андрес спустился на землю.

Так он бежал, пока не оказался на лесной опушке с цветами и ягодами. Каким-то невероятным образом в этом месте оказался стадион с турниками и гантелями. Там находились все его друзья по тренажёрному залу, они звали его и махали руками, но Андрес к ним не хотел.

Он опустился на мягкую траву и посмотрел в небо. Яркое солнце грело его лицо. Казалось, оно водит по нему своими тёплыми, жёлтыми руками. Пахло шишками и земляникой. Андрес закрыл глаза, но продолжал чувствовать свет и тепло, бьющие в веки.

Затем свет начал исчезать, и Андрес попытался открыть глаза, чтобы понять, куда делось солнце. Вместе с ним начало пропадать и тепло. Его теперь била дрожь.

Сколько бы он ни старался, открыть глаза не получалось. По звукам окружающего мира он понял, что больше не находится на опушке леса, он теперь в холодном помещении с тусклой лампой вместо солнца.

Голова больше не болела: он вылечился, но как это произошло, Андрес не догадывался.

— Эй, — попытался заговорить, но сил в нём совсем не осталось. Ни звука не вырвалось из его едва приоткрытых губ.

Создавалось ощущение, что врачи забыли накрыть его одеялом, потому что холод пробирал до костей. При этом он не чувствовал никаких прикоснове-

ний. Андрес даже не понимал, лежит он на спине или на боку. Его, по всей видимости, настолько обезболели, что он ещё сутки не сможет ничего почувствовать.

— Эй, — снова позвал он, и снова не раздалось ни звука.

Действие наркотика начало отступать, и Андрес почувствовал прилив сил. Он приоткрыл один глаз, а затем второй. Он находился в просторном помещении, не похожем ни на палату, ни на операционную. Потолок виднелся в десяти метрах над головой, а ряд окон отступал вдаль на добрые пятьдесят. Сюда могли бы поместиться больше тридцати палат, но оставили лишь одну большую.

Обильный дневной свет проникал сквозь окна и создавал естественное освещение, из окон по периметру зала Андрес видел окружающий город. Похоже, для второй операции его перенесли в соседнюю башню «Тилайфа». Пентхаус с террасой, в котором он лежал вчера, теперь находился через дорогу. Осмотрев окружающее пространство, Андрес пришёл к мысли, что в здании напротив находилась обыкновенная больница, тогда как эта была продвинутой.

Вокруг стояло большое количество медицинских приборов самых разных размеров: от каких-то кранов и манипуляторов до огромных цистерн с жидкостями и всевозможными шлангами. Прямо в этот момент по одной из цистерн ползал дрон на присосках и вытирал пыль.

Андрес посмотрел вниз, чтобы проверить, не пришли ли ему новую ногу, и понял: что-то с ним не так.

Как оказалось, он даже не лежал, а находился в вертикальном положении. Более того, прямо под его головой, пониже шеи, находилась столешница из тёмного пластика. Выглядело очень странно. Будто бы его тело сидело под столом, а голову просунули в дырку и зафиксировали.

В окружающих звуках тоже было что-то не так, но Андрес не мог понять, что именно.

Как оказалось, он совсем не мог двигать головой. В его власти оказались лишь глаза и челюсть. Врачи непонятно для чего зафиксировали его шею, неужели чтобы не повредить какие-то связки и кости?

Он отдал команду руке подняться и пощупать столешницу снизу. Однако из-за обезболивающего он даже не понял, отреагировала ли рука. Возможно, его тело сейчас находилось в бочке с какой-то исцеляющей жидкостью, регенерирующей тело, а голову зафиксировали, чтобы он не утонул из-за отсутствия сил. Это звучало логично.

Затем Андрес понял, что в окружающих звуках его так насторожило: он не дышал!

Звук сопения сопровождал его всю жизнь, и хоть мозг научился его игнорировать, воздух, вырывающийся из ноздрей, всегда оставался вместе с ним и сливался со звуками внешнего мира, а теперь его не было.

Яростно двигая мышцами лица, Андрес пытался рассмотреть собственный нос, увидеть, раздуваются ли его ноздри. Ему была доступна лишь мимика, и намуриться в достаточной степени не получалось. Тогда он прислушался и понял, что совершенно точно не дышит. Адреналин ударил в голову.

— Я умираю! — попытался закричать он, но изо рта вырвался лишь хлопаящий звук языка, бьющего по щекам.

Изо всех сил Андрес начал трясти головой, чтобы пошевелиться, сдвинуться с места или выбежать в коридор. Его тело не реагировало: лёгкие умерли вместе с ним и теперь он не мог ни крикнуть, ни вдохнуть.

Инстинктивно он начал отсчитывать секунды. Раньше он мог задерживать дыхание на полторы минуты, после чего лёгкие начинали конвульсивно содрогаться и требовать воздуха. Однако сейчас тело не

реагировало, и сколько бы он ни зажимал рот, лёгкие не начинали биться в истерике.

«Какая глупая смерть, — подумал Андрес. — Я умру от кислородного голодания».

Неподалёку на столе стоял стеклянный сосуд со спиртом и яркой зелёной тряпкой. Видимо, ей врачи вытирали столешницу и медицинские приборы. Андрес начал дёргать головой, надеясь дотянуться до бутылки и сбросить её на пол. На звук разбившегося стекла точно кто-нибудь придёт на помощь. Раз уж руки ему не подчиняются, придётся действовать тем, что пока ещё в его власти.

Несколько секунд он пытался раскачаться, а затем произошло необычное: его голова упала набок. Не так, как обычно она наклоняется в сторону с изгибом шеи. Она упала набок, будто не была прикручена к телу. Следом его голова покатилась, и он потерял ориентацию в пространстве. Затылком он почувствовал прикосновение к бутылке, и вскоре раздался звук вдребезги разбивающегося стекла. Раздался запах спирта, но на него Андрес уже не обращал внимания.

Напротив него находился неизвестный медицинский прибор. В его гладком, блестящем корпусе отражалась удивлённая голова Андреса, начисто лишённая тела!

Шея заканчивалась аккуратным плоским разрезом, соединённым с круглым постаментом. Он почувствовал себя лосем, чью голову охотник собирает повесить над дверью как трофей.

Из постамента отходили трубки с прозрачной жидкостью.

«Мне ампутировали тело!» — с ужасом подумал он и чуть не провалился в беспамятство.

Не было ни груди, ни плеч, ни рук, только его голова и часть шеи.

Значит, заражение крови зашло настолько далеко, что ампутированной ноги оказалось недостаточно.

Некроз распространился по всему телу и спасти ему жизнь оказалось возможным только так: полностью отделив источник заразы.

Вот почему он не дышал — лёгкие теперь ему не нужны. Вместо них находятся меха, наполняющие кровь кислородом, а саму кровь качает мотор на аккумуляторе, ведь сердце отправилось в холодильник вслед за лёгкими.

Наверное, ему стоило бы поблагодарить врачей: если бы они не отделили его голову, он уже был бы мёртв, а теперь он подождёт донорское тело, выращенное в инкубаторе. Их соединят, и он снова станет нормальным человеком с двумя руками и двумя ногами.

Однако благодарности Андрес не ощущал. Лишь страх, холод, ненависть, отчаяние и подкатывающее безумие. Разум начал ускользать, и он цеплялся за него из последних сил.

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ. НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ КРОССОВКИ

Лилия сама не знала, радоваться ей или грустить: слишком много событий произошло за короткий промежуток времени. Её брат остался жив, и это, пожалуй, было самым важным.

Она находилась на семьдесят шестом этаже медицинского центра «Тилайф». Этажом выше располагалась просторная лаборатория, где спал Андрес, этажом ниже — ресторан для посетителей.

Лилия не могла поверить, что её брату отделили голову от тела. Она только свыклась с мыслью, что Андресу дадут искусственную ногу, теперь же ему понадобится всё ниже шеи.

Мама была мрачнее тени, Михал, её помощник, смотрел в телефон с грустью. Телохранители Ян и Хи без-

молвно топтались в дальнем углу. Арлетт на инвалидной коляске сидела у окна и не могла оторвать взгляд от окружающего города. Даже её непоколебимая жизнерадостность дала слабину в этот момент.

Лифт в коридоре открылся, и из него вышла Мэри, новая подруга Лилии. Они были знакомы всего пару недель, но Лилия чувствовала с ней такую близость, словно та была членом их семьи.

— Чего это вы такие мрачные? — весело спросила она. Девушка покинула больницу рано утром и не знала, что Андресу провели вторую операцию, вслед за удалением ноги. — Неужто здесь слишком дорого? Для вас-то?

Сегодня Мэри была одета согласно своей собственной моде: чёрная футболка с принтом неизвестной рок-группы, чёрные штаны и чёрные кеды. На руках у неё были татуировки черепов, змей и прочей атрибутики загробного мира. На шее выглядывал кусок красного пламени. Чёрные волосы и пирсинг на лице контрастировали с бледной кожей. Она походила на слугу Смерти, явившуюся, чтобы забрать душу Андреаса.

— Присядь, — предложила Лилия.

Мэри послушно села на диван рядом с Лилией, но не в сжатой позе, как та, а раскинув руки и ноги во все стороны, словно этот диван целиком принадлежал ей.

Пока они разговаривали, со стороны служебного помещения вышли четверо хирургов, оперировавших Андреаса. Один из них был старик за семьдесят, трое других — девушка и два парня между тридцатью и сорока. Они переоделись в чистую одежду и, подойдя к ним, заговорили с Елизаветой.

— Не волнуйтесь, ваш сын не проснётся, — уверял старик. — Мы дали успокоительного достаточно, чтобы он пришёл в себя уже в новом теле. Сперва он даже не почувствует разницы. Не заметит, что руки и ноги изменились, — это сгладит переход и не сильно травмирует психику.

Мэри следила за ними со смесью грусти и бьющего изнутри хорошего настроения. Лилия чувствовала, что она очень хочет о чём-то рассказать, но не может, поскольку момент неподходящий.

— Я понимаю, что ты сейчас думаешь не о том, но у меня хорошие новости, — наконец вымолвила Мэри. — Я отвезу тебя туда, где ты сама всё увидишь.

— Хорошие? — переспросила Лилия. Именно этого ей сейчас не хватало. — Поехали. Хорошие новости мне сейчас нужны как никогда.

Коротко попрощавшись с матерью, Лилия зашла с Мэри в грузовой лифт, в дальнем углу которого стояли две молодые медсестры.

— ...бесплодие, — услышала Лилия середину разговора. — Представляешь, ни одного ребёнка за девять дней. В целом городе... самому молодому человеку в Гибралтаре сейчас полторы недели, и того зачали где-то в деревне.

— Что ж это за вирус-то такой? — спрашивала вторая.

Обрывок разговора удивил Лилию, она слышала нечто о вспышке бесплодия, но думала, что это очередные слухи.

Медсестры вышли на шестидесятом, и тут Мэри прорвало. Видно было, как сильно она сдерживалась, чтобы не заговорить раньше времени.

— Я наконец смогла всё устроить! — сказала она, взяла за руку Лилию и запрыгала, отчего показалось, что лифт застрянет. Её радость и энтузиазм били через край.

— Что устроить? — спросила Лилия, но Мэри так радовалась, что даже не услышала вопроса.

Лицо девушки было красным, она готова была взорваться от бушевавшей внутри энергии.

— Ты даже не представляешь, насколько я крутая! Ну скажи это!

— Что сказать? — усмехнулась Лилия.

— Скажи, что я круче всех!
— Ты самая крутая крутяшка в мире!
— Так и есть, — подтвердила Мэри, и они обменялись взглядами.

Ни к одному человеку, не считая семьи, Лилия не испытывала такой привязанности. За короткое время Мэри стала для неё настолько близкой подругой, что она больше не представляла свою жизнь без неё.

В холле больницы они подождали, пока к ним присоединится телохранитель Лилии — молчаливый мужчина лет пятидесяти, в котором смешались все виды славянских кровей, из-за чего он выглядел как персонаж, сошедший с иллюстраций детских сказок: невысокий, широкий, с мощной грудью и маленькой шеей. Только звали его совсем не по-славянски — Зак, что было сокращением от ещё более странного Закофилд.

За время службы он ни разу не обратился к Лилии по личному делу. Он всегда следовал за ней словно неодушевлённый предмет, привязанный цепью. Больше десяти лет Зак был её тенью, и за это время Лилия успела привыкнуть к нему, словно это её личный пёс. Безвольный и безэмоциональный. Иногда она гадала, что он подумает, если вдруг застанет её без одежды, переодевающейся после душа. Наверняка скользнёт взглядом и скроется без единого намёка на похоть. Он не видел в ней ни личности, ни тела, ничего. Для него Лилия была лишь объектом, который нужно охранять.

Когда Зак и Хи находились в одной комнате, между телохранителями росло напряжение: Хи считал Зака тупицей. Но так он думал о многих людях, в том числе о самой Лилии. Она видела это в его взгляде.

— П-привет, Лилия! Доброе утро! — услышала она голос Бернарда.

У заднего входа в больницу стоял фургон, где их встречали два человека из «людей Ирвинга». Это была четвёртая по численности группировка Гибралтара, уступающая «Деше», «Тозоку» и «Бон Месси». В неё вхо-

дили триста человек, контролирующих жёлтый квартал.

Раньше главой группы выступал Клайд Ирвинг, управлявший ею больше сорока лет, но после его смерти управление перешло к Реджинальду Ирвингу, не продержавшемуся и трёх месяцев. Несколько дней назад Редж лишился головы, и управление перешло к Мэри Ирвинг.

Несмотря на двадцатилетний возраст, подруга Лилии унаследовала управление целой бандой и справлялась с этим неожиданно легко.

— Привет! — помахала в ответ Лилия.

Перед ней стояли заика Бернард, как всегда одетый будто агент похоронного бюро, и гигант Вадим, не изменяющий шортам. На правых руках обоих недоставало больших пальцев.

— Куда мы направляемся? — спросила Лилия.

— Мэри тебе разве не сказала? — спросил гигант. — Мы ведь...

— Тс-с, — прервала их Мэри. — Она сама увидит.

От такой загадочности Лилия слегка напряглась. Если бы она не знала этих людей, то решила бы, что её прямо в этот момент похищают.

Бернард придержал дверь девушкам и вошёл в кузов за ними. Телохранитель устроился на переднем пассажирском. Вадим сел на водительское сиденье, ввёл место назначения на экране приборной панели, и автомобиль начал крутить руль, разворачиваясь в нужную сторону.

— Что вы задумали? — спросила Лилия.

— Это сюрприз, — ответила Мэри весело и немного нервно. Она то и дело следила за временем на фитнес-браслете и каждые полминуты проверяла экран своего «Самсунга», чтобы убедиться, не пришли ли новые сообщения.

Автопилот за время поездки трижды менял маршрут из-за митингующих, блокирующих дорогу в раз-

ных частях города. Шли третьи сутки бунтов, но волнения не утихали. За последний день жители Гибралтара разрушили так много магазинов и перевернули вверх ногами столько общественных мест, что город быстро превратился в свалку. Не существовало квадратного метра во всём городе, где не лежало бы разбитое стекло, мусор из перевернутых баков или сбитый почтовый дрон, превратившийся в грудку пластика и проводов.

Безработица в двадцать шесть процентов, которая возмущала жителей, за ночь выросла ещё больше. Бунтующие выражали своё недовольство, но ничего конкретного этим не добились, лишь ухудшали своё собственное положение, ведь на восстановление города уйдут средства с налогов ещё работающих людей.

В последние дни заметно снизилась активность дронов, поезда стали ездить реже, и в городе продолжали работу лишь рекламные голограммы. Одна из них обратила внимание надвигающийся фургон и сделала приглашающий жест посетить торговый центр с товарами для детей. Само же здание, куда указывала прозрачная женщина, выглядело так, словно там произошёл сначала пожар, затем потоп, а следом землетрясение. И в довершение ко всему его изрисовали ужасного вида рисунками кислотных цветов.

Один из прохожих внезапно решил перебежать дорогу перед грузовиком, и автопилот едва извернулся, чуть не сбив человека. От внезапного манёвра люди в салоне посъезжали со своих кресел.

— Чёртова кегля, — выругался Вадим. — Не понимаю, что у таких в головах?

— Л-лилия, как ты относишься к р-рыбным ресторанам? — обратился к ней Бернад, он заикался вдвое больше обычного и даже вспотел. Его слегка косые глаза разъехались в разные стороны, а рыжие волосы будто встали дыбом.

— К рыбным ресторанам? — переспросила она, застигнутая врасплох необычным вопросом. — А почему ты спрашиваешь?

— Здесь н-неподалёку есть отличный р-рыбный ресторан, и, кажется, он ещё цел...

— Я однажды обедала в лагуне на острове Самха. Там располагался бар, где готовили блюда из свежей рыбы. Он был целиком построен из дерева и продувался ветрами, словно его соорудили рыбаки в прошлом столетии, но как же там было вкусно! И неожиданно дёшево: мой счёт был всего на пятьдесят долларов. Не считая вина — его я взяла за восемьсот.

— Так д-дорого! — тихо ответил Бернард, однако следующий вопрос он задать не успел, его перебил Вадим.

— Я однажды обедал в рыбном ресторане, и это был просто улёт! — произнёс он, перекрикивая сирену полицейской машины, проехавшей мимо них. Голос у Вадима был мощный, он мог перекричать даже пожарный гудок. — Мы с женой оба там отравились и потом дристали так, что половину веса потеряли. Но зато поели на славу, а главное, бесплатно. Ни в одном другом ресторане я больше не испытывал столько эмоций!

От этой истории Мэри скривилась, а Лилия засмеялась. Грубоватая манера выражаться не успела ей надоест, и подобные рассказы поднимали ей настроение.

— П-послушай, я х-хотел... — начал Бернард, но Вадим снова его перебил:

— В другой раз мы с женой пришли выпить кофе в небольшое кафе, и представьте, на что попали! Там был двойной банкет: юбилей у пожилой леди и развод, который отмечала дама в компании подруг. Мы пообедали за каждым столом, я произнёс два тоста, а потом нам предъявили счёт за еду! Я сказал жене уходить,

пока буду рассчитывать, а сам пошёл в туалет, вылез через окно и вниз со второго этажа. Растяжение, и четыре месяца в повязке...

— Т-тихо ты, — на этот раз перебил его Бернард. — Я хотел спросить... Лилия, хочешь...

— Приближаемся, — произнесла Мэри, глядя на карту в телефоне.

В один момент фургон спустился с эстакады под землю — под Гибралтаром располагалась широкая сеть автомобильных дорог, по которым ездили только грузовые дроны. Поэтому невозможно было определить, в какой части города они оказались.

— Л-ладно, потом, — продолжил Бернард поникшим голосом.

Они въехали на широкую подземную парковку, где стояли сотни автомобилей, из них больше десятка — премиум-класса. Лилия не могла определить, какого типа здание находится над ними, но количество машин подсказывало, что это был бизнес-центр: только люди с достатком могли позволить себе личный транспорт вместо передвижения по городу на надземных поездах.

— Где мы? — спросила Лилия.

— Здесь, в здании над нами, находится тысяча комнат, и в каждой сидит по животному, — ответила Мэри.

— Зоопарк?

— Только если считать зоопарком место, где животным вкалывают экспериментальные лекарства и смотрят на побочные эффекты. Здесь проводят на них исследования.

— И мы будем их спасать?

— Кого спасать? — удивилась Мэри, её тонкие чёрные брови с кольцами и иглами сомкнулись у переносицы.

— Животных, — предположила Лилия. — Мы ведь за этим приехали? Будем спасать животных и поднимать себе настроение?

Бернард с Вадимом переглянулись, явно не ожидая такого предположения.

— Это было бы забавно в другое время, — ответила Мэри.

— Тогда мы собираемся что-то украсть? Какое-нибудь сверхсекретное лекарство для бессмертия?

— Если бы такое лекарство существовало, — вставил Вадим, — сомневаюсь, что оно находилось бы выше десяти километров под землёй в полностью закрытом бункере со стальными стенами толщиной в два метра.

— Тогда зачем мы здесь?

— 3-здесь у нас рандеву, — ответил Бернард.

— Быстрее, — приказала Мэри. — У нас не так много времени, если хотим увидеть шоу собственными глазами. На записи оно будет не таким интересным.

В дальнем конце парковки располагался широкий грузовой лифт. Казалось, он мог поднять даже автомобиль. Открывался лифт с помощью ключа, и только с ним можно было заставить его работать. Внутри он оказался выкрашен в белый цвет и вкуче с яркой лампой начинал слепить глаза. Мэри вставила ключ в скважину и нажала кнопку второго этажа.

Наверху их встретил тихий шелест голосов, доносящийся справа. Налево уходил коридор, сворачивающий за угол через несколько десятков метров. Однако, прежде чем выйти из лифта, Мэри позвонила, дождалась ответа и только после этого повела за собой остальных.

Первым помещением на их пути была комната охраны, куда Мэри постучала особым способом: два удара, один, снова два. Дверь им открыл Сивер с сигаретой в жёлтых зубах. Это был старейший из людей Ирвинга, загорелый и сморщенный, как чернослив. Его лицо никогда ничего не выражало, словно он давным-давно разучился удивляться и, кого бы ни встретил, всегда реагировал одинаково. Одет он и вовсе был так, словно отвоевал гардероб в битве бездомных.

— Опаздываете, — произнёс он мощным голосом, не подходящим к внешнему виду. — Любовничек уже в здании и даже не подозревает о свидании, которое ему назначено.

В помещении оказалось светло и просторно, из десятка мониторов в помещении работали лишь два: огромный на стене и маленький на столе. За маленьким сидел парень в пляжных шортах и деловой белой рубашке. При первой встрече Лилия назвала его «сёрфингист», однако сейчас он походил на офисного работника в отпуске.

Большой монитор занимал половину стены и транслировал всего одно изображение: голубая лаборатория с зелёными столами, где прибирались несколько человек. На столах стояли приборы, незнакомые Лилии, однако она с уверенностью могла сказать, что это не химлаборатория — ни одной колбы или трубки там не было, лишь непонятные электронные устройства.

Было в этом изображении нечто странное, чего Лилия не могла понять, словно что-то выглядело неправильно.

— Закончил, — сообщил сёрфингист за компьютером, и Лилия посмотрела на экран перед ним. Он смотрел на изображение с камеры видеонаблюдения, на котором несколько человек в чёрных одеждах стояли в холле первого этажа. Из них двое были военными с автоматическим оружием на груди и ещё четверо в деловых костюмах.

— На что вы смотрите? — спросила Лилия, и тут же после её слов дверь туалета, которую охраняли военные, отворилась, и из неё вышел пузатый человек в сопровождении телохранителя.

Это болезненное лицо в вечном наркотическом дурмане она опознала бы среди миллионной толпы. Это был Чарльз Тауэр, её враг номер один. Тот, кто объединил против семьи Келвин коалицию богачей. Тот,

из-за кого начались все их беды. Тот, кому она желала зла больше всех на свете.

Не счесть способов, какими Лилия убивала его в своём воображении, и каждый раз тот страдал всё больше. Это был единственный человек, на которого не распространялась её врождённая сверхэмпатия.

— Он здесь? — спросила она. — В этом здании?

— Он в двадцати метрах от нас, — подтвердила Мэри. — Тот, кого ты наняла нас отыскать.

Только сейчас Лилия поняла, что ей показалось странным в картинке на большом мониторе: люди в лаборатории были переодетыми членами банды! Некоторых из них она узнала, например парня с татуировкой якоря на лысой голове или здоровяка по имени Альф. Остальные люди в лаборатории тоже не походили на учёных: они были слишком молоды и слишком крепки.

На маленьком экране Чарльз Тауэр передвигался по направлению к лифту. Лилия смотрела, как он останавливается в дальнем углу кабины, а его помощница нажимает на кнопку верхнего этажа. Целую минуту Лилия следила, как Тауэр ковыряется в зубах, прежде чем двери открылись и делегация вышла наружу. Сёрфингист переключил камеру, и теперь та показывала изображение коридора, куда они вышли.

Процессия проследовала по коридору и зашла в лабораторию. Теперь всех можно было увидеть на большом экране. В помещении остался лишь один настоящий учёный: именно он вышел встречать гостей. Остальные же были подсадными.

— Как вы проникли в эту лабораторию? — спросила Лилия. — Здесь должна быть зверская система охраны.

— Кое-кого похитили, кое-кого шантажировали, — протянула Мэри. — Плюс «Тозоку» нам помогли. Оказывается, слово Куро Миуры способно запугать даже последнего храбреца. Все, кого мы подменили в этом здании, сейчас находятся в бункере под Широ Яма. Как

только мы здесь закончим, их отпустят. Этим занялся ещё мой отец, но ему не хватило упорства и ресурсов.

Тем временем в лаборатории Чарльзу Тауэру презентовали новые очки. Они были не совсем обычными, раз один из главных тхари лично пришёл их проверить. Члены банды принесли несколько коробок таких очков и поставили на стол перед ним.

Телохранитель Тауэра был не тот, кого Лилия видела в последний раз. Тот был крепкий и одноухий, а этот высокий и какой-то неприметный. Военные с оружием остановились снаружи у дверей лаборатории.

Приближающаяся потасовка дала о себе знать в виде дюжины членов банды, переодетых в халаты. Они шли по коридору и что-то обсуждали. На учёных они совсем не походили, и военные, кажется, начали что-то подозревать. До этого они стояли ровно, но при приближении фальшивых лаборантов напряглись. Даже телохранитель как-то подозрительно переминался с ноги на ногу, осматривая помещение.

Тем временем члены банды в лаборатории начали надевать на всех присутствующих очки, и те, на ком они оказывались, осматривали окружающую обстановку так, словно оказались в другом измерении.

«Сейчас начнётся!» — промелькнуло в голове у Лилии. Время словно замедлилось, она смотрела, как Альф медленно приближается к телохранителю Тауэра с очками в руках. Он доброжелательно улыбался, приглашая того испытать новое изобретение, но телохранитель всё больше дёргался при его приближении.

В коридоре банда учёных остановилась напротив военных.

Альф протянул телохранителю очки, тот принял их, но надевать не стал. Лишь держал в руках.

— Надень, — увидела Лилия шепчущие губы Альфа. Она не могла слышать его через изображение.

Телохранитель начал медленно подносить очки к голове, и в этот момент Альф ударил, целясь противнику в челюсть. Тот среагировал мгновенно. Непонятно как, но удар прошёл мимо, огромный кулак Альфа пролетел перед лицом телохранителя, едва не задев его. Тот бросил в сторону очки и ударил в ответ, целясь в солнечное сплетение.

Странно было смотреть, как здоровяк Альф опускается на пол, хватая ртом воздух, получив удар от соперника намного легче его. Но достать оружие из кобуры под мышкой телохранитель не успел, на него навалились сразу трое соперников: парень с якорем ударил телохранителя лбом по носу, рыжий повалил, а бородатый начал ногой втоптывать голову телохранителя в пол и остановился, лишь когда у того лицо превратилось в кровавую кашу. Они связали ему руки за спиной, отобрали оружие и затащили в подсобное помещение.

Военных в коридоре избили гораздо слабее: лишь повалили на землю и обездвжили, попутно дав несколько пинков.

Чарльз Тауэр метался по залу и в спешке искал выход, но его не было. Единственные двери наружу находились за спинами переодетых учёных.

Он схватил металлическую линейку, годящуюся разве что муху прибить, поднял её и угрожающе помахал. Лилия не могла слышать, что он говорит, но явно себе представляла. Сейчас Тауэр находился в той ситуации, в которую попала она, когда его армия пришла к ним в дом и стала избивать Андреса.

Глядя на это, Вадим и Бернارد засмеялись. Сёрфингист тоже издал несколько коротких смешков. Если бы чудесным образом Тауэр оказался на гладиаторской арене, то таким оружием он не смог бы побить даже ребёнка.

— Вы его схватите? — задала Лилия очевидный вопрос.

— Для этого ты нас и наняла, — ответила Мэри.

— Сколько я должна вам за услуги?

— Более ста человек поучаствовали в этой операции, даже сам Куро Миура, хотя он давно уже ничем не занимается. Поэтому за работу плюс все расходы — шестьсот миллионов, — ответила Мэри, и Лилия кивнула. Для её семьи это была ничтожная цена за такую работу. Ещё пару месяцев назад на такую сумму росла стоимость акций их компании каждый час. — И кое-что ещё.

— Что?

— Кое-что личное, я тебе потом расскажу.

— Что-то очень личное? — спросила Лилия.

— Невероятно личное, — ответила Мэри, и они посмотрели друг другу в глаза. Во взгляде подруги Лилия прочитала такую теплоту, которую видела только у своей сестры Ани. Даже Андрес, с которым она так близка, не смотрел на неё так мягко.

— Обрадую маму, — сказала Лилия, доставая телефон.

— Не получится. Мы запустили глушилку на случай, если у Тауэра или его телохранителя есть тревожная кнопка. Пока мы не покинем здание, никто не сможет связаться с людьми снаружи.

Несколько человек теснили Тауэра к стене. Члены банды походили на стаю волков, загнавших в ловушку кабана. Каждый из них был крепче, выше и трезвее Чарльза. У того не было ни единого шанса, но он продолжал махать перед собой линейкой, словно это был волшебный клинок, способный рассекать плоть без малейшего сопротивления.

От такого зрелища у Лилии поднялось настроение. Хорошо, что она успела приехать и увидеть эту сцену своими глазами. Получить связанного Тауэра и не увидеть, как его будут скручивать, было бы намного менее радостным.

Долгие недели она ждала этого момента и сейчас не могла поверить, что это происходит. Парень с якорем на голове шагнул вперёд и получил линейкой по плечу. Удар оказался настолько слабым, что не произвёл никакого эффекта, однако Тауэр невероятно удивился беспомощности своего оружия. Он продолжал бить линейкой по сопернику, словно ждал, что в один момент тот упадёт.

Противоборство заняло всего несколько секунд. Сначала оппоненты постояли в обоюдном захвате, а затем парень с якорем сделал Тауэру сначала одну подсечку, а следом вторую. Удивительно было наблюдать, как стокилограммовая туша отрывается от земли и совершает полный круг вращения, в один момент находясь вниз головой и ногами кверху.

Ещё несколько месяцев назад Лилия сказала бы, что такое не может случиться: немыслимо, чтобы какой-то рядовой бандит совершал борцовский приём на триллионере. Это были люди слишком разного уровня. Однако побег через канализацию, спасение Андреса из тюрьмы и жизнь среди бандитов показала: тхари такие же люди, как остальные. Нет никакого невидимого барьера, отделяющего богатого человека от бедного.

Тауэр никогда не ходил на борьбу и даже не подозревал, что ему однажды придётся бороться и испытывать на себе броски. Он приземлился неловко, совершенно не готовый к этому: колено ударилось о кафельный пол. Словно в отдалении, Лилия услышала жалобный стон. Видимо, Чарльз сильно повредил ногу.

Люди из делегации, пришедшие вместе с ним, вжались в дальнюю стену лаборатории и перестали двигаться. Среди них Лилия узнала Вивиен — личную помощницу Тауэра, но двое мужчин были ей незнакомы. У них не было оружия, поэтому они никого не интересовали.

— Мы спускаемся! — крикнул Альф в камеру. Его лицо было показано крупным планом на большом экране в комнате охраны. По пути к выходу он взял с собой коробку с очками, которые они презентовали делегации.

Члены банды связали Тауэра, подняли под мышки и потащили к лифту. Они не влезли разом в кабину, поэтому спускались двумя рейсами. Когда Мэри с Лилией вернулись на подземную парковку, там уже собралось больше двадцати человек.

— Вы понятия не имеете, во что оказались втянуты, тупицы! — шипел Тауэр сквозь мешок, надетый на голову, однако его угрозы лишь забавляли присутствующих. — Сейчас вы смеётесь и думаете, что победили, но в такой игре чемпиона определяют по очкам. Ими не становятся новички, взявшие один матч. Это совсем не ваша лига, не тот уровень. Такие ничтожества, как вы, никогда не побеждают! Вскоре каждый из присутствующих будет подвешен к потолку у меня на чердаке за большие пальцы ног.

Руки Тауэра связали сзади, он ходил между присутствующими и натёкался на них точно слепой. Каждый раз его отталкивали в центр круга.

— Каждый из вас узнает, — говорил он в своей неторопливой манере. Его голос то взлетал, то понижался. По его венам в этот момент пульсировало столько наркотических веществ, сколько убило бы любого из присутствующих. — Почувствует на своей шкуре. Скоро вы увидите, что бывает, когда перебегаешь дорогу перед самосвалом. Будете смотреть на собственные кишки, разбросанные по асфальту.

Лилия подошла к нему, сняла мешок с головы и посмотрела прямо в глаза. Это совершенно точно был тот человек, из-за которого начались проблемы у её семьи. Именно он объединил остальных тхари. Именно он приказал бешеным псам отвезти Андреа в тюрьму, из-за чего тот получил заражение крови

и потерял тело. Из-за него они бежали через канализацию, и из-за него она не могла найти ни Дарвина, ни Аню.

— А, это ты, — произнёс он. — Всё ясно.

Словно со стороны Лилия увидела свой жев, а затем она набрала слюны и плюнула Тауэру в лицо. Плевком попал в глаз, но он не смог его вытереть и лишь злобно скривился.

— Недоносок, — произнесли её губы. — Ублюдок, ничтожество.

— Ого, — удивился Вадим, надевая мешок обратно Тауэру на голову. — А ты не такая леди, как казалась.

— Этот жест я тебе прощаю, — сказал Тауэр. — Мне он даже понравился. А остальные, можете не надеяться на моё милосердие. Каждый из вас узнает, на что я способен.

— И что же ты сделаешь? — спросил парень с якорем и хлопнул Тауэра ладонью по макушке. — Руки-то связаны.

— Хищнику они не нужны, чтобы вцепиться жертве в глотку, — ответил Тауэр, повернув голову в его сторону.

От такой нелепой угрозы люди Ирвинга засмеялись. Члены банды часто сталкивались с разъярёнными людьми, и человек перед ними был лишь одним из бесконечной череды недоброжелателей.

— Садись в машину, хищник, — указал ему Сивер. — Попробуем найти подходящий вольер для твоего эго.

— Ты в дерьме, — добавил Вадим, усаживая Тауэра на колени в задней части фургона. — И ничего с этим не сделаешь.

Рыжий парень с Альфом раздавали всем присутствующим очки. Пара широких стёкол в тонкой оправе досталась и Лилии. Она надела их, но не заметила никакой разницы: в них не было диоптрий, они не показывали никакой информации, даже ультрафиолетовые лучи не отсеивали. Они даже не выглядели краси-

выми. Казалось, это были обыкновенные декоративные очки, какие продаются за копейки.

— Ничего не изменилось, — пожаловался Вадим, разочарованный тем, что ему подсунили пустышку.

— У меня т-тоже, — подтвердил Бернад. — Они не работают!

Команда заканчивала грузиться в три автомобиля, и на парковке остались лишь несколько человек.

— Эти очки показывают то, что запрограммировано, — ответил Альф. — Они поступят в продажу на следующей неделе и заработают в это же время. Однако, если вы посмотрите на мои ноги, то кое-что увидите.

Лилия посмотрела вниз и не заметила ничего неожиданного. Альф был одет в чёрные хлопчатые штаны и белые кроссовки «Найки». Даже слишком белые, они словно светились изнутри. Когда она приподняла очки, то увидела на ногах Альфа старые чёрные туфли, купленные несколько лет назад. Она снова надела очки, и обувь чудесным образом превратилась в белые кроссовки с чёрной эмблемой.

— Пока мы ждали Тауэра наверху, я попросил показать, как работают очки, — рассказал Альф. — И парни, что там работают, создали для меня виртуальные кроссовки. Теперь кто бы ни посмотрел на мои ноги через такие очки — сможет их увидеть. На следующей неделе крупные бренды начнут продавать скины своей одежды, и вот такие кроссовки будут стоить двадцать долларов. Представляете себе? Их даже не существует, всего лишь внешний вид, а цена — двадцатка.

Несколько раз Лилия надевала и снимала очки, но не могла понять, как они работают. Обувь Альфа менялась словно по волшебству, превращаясь из чёрных туфель в белые кроссовки и обратно. Если бы ей пришлось носить такие очки всю жизнь, она даже не поняла бы, что Альф носит нечто другое под внешним видом кроссовок.

— Пойдём, — Мэри потянула Лилию за локоть. — У Тауэра на улице осталась охрана, не будем ждать, пока они хватятся своего клиента.

Лилия согласно кивнула и последовала за ней. В машине Лилия продолжила снимать и надевать очки, словно зачарованная. В повседневной жизни она часто видела, как нейросети меняют одно изображение на другое с невероятной ловкостью: в детстве она фанатела от шведского музыканта Антона Хьюго и во всех фильмах, которые смотрела, заменяла лица главных актёров на лицо Антона. Это была распространённая функция, которой пользовались абсолютно все.

Однако очки делали замену объектов мгновенно и выглядели настолько тонкими, словно не имели в своём корпусе ни процессора, ни аккумулятора.

— Суки, — продолжал материться Тауэр, пока его качало из стороны в стороны во время езды.

Теперь Лилия поняла, почему у Мэри было такое хорошее настроение. Она смотрела в окна, и ничто не могло её расстроить.

На улице люди продолжали ходить по тротуарам и кричать лозунги про свержение тхари. Через город словно прошло цунами. Лишь единицы магазинов продолжали своё существование: не тронули те, где стояли люди из «Бон Месси» или «Тозоку». Они несколько дней сторожили входы, отгоняли грабителей и бунтовщиков. Магазины, находящиеся под защитой этих банд, уцелели в водовороте хаоса, бушевавшем несколько дней. Причём не все магазины, а только те, кто платил повышенную ставку за защиту от всего, а не только от наркоманов-одиночек. Заведения, платившие низкую ставку, оказались разрушены. Так как в этот пакет услуг входило лишь запугивание потенциальных грабителей.

Раньше в Гибралтар приезжали люди в поисках работы: уровень безработицы здесь был чуть ниже, чем в остальном мире, но из-за разрушений последних

дней вряд ли кто-то направится сюда с подобной целью. Теперь безработица в Гибралтаре будет составлять такой же процент, как в остальном мире.

Повсюду валялись горы пластика, разбитой деревянной мебели, порванные занавески, высохшие цветы в разбитых горшках, перевёрнутые автомобили, покрытые вмятинами со всех сторон, ржавые железные бочки и тележки из супермаркета, заброшенные во все возможные места.

Тут и там сидели люди, словно загипнотизированные. Они смотрели перед собой, подпирали стены, передвигались на кривых ногах, и казалось, что происходит землетрясение, видимое только для них. В период бунта перестали продавать синтетические наркотики, и огромное количество наркоманов проходило стадию детоксикации. Они ходили по улице словно зомби и не понимали, где находятся.

Между ними сновали дроны-уборщики, повывлезавшие из своих нор и начавшие приводить город в порядок. Однажды Лилия была на фестивале в Бразилии, после окончания которого остался точно такой же беспорядок, но там он имел ограниченный радиус — всего пару километров на берегу океана, а здесь хаос растянулся на весь город. Будто наступил конец света.

И на фоне невероятной разрухи светило обыкновенное полуденное солнце, согревая лучами всех присутствующих, как бы говоря: «Что бы вы тут ни наворотили, я всегда буду радовать вас своим присутствием».

Во время езды Тауэр не замолкал: он рассказывал, насколько крупную ошибку они совершили, напав на него; насколько много у него друзей и как сильно он будет получать удовольствие, свершая свою месть. Казалось, у него на спине должен быть рубильник, чтобы выключить бесконечный словесный поток. Никакими словами заткнуть его не удавалось.

— Мне вас даже жаль, — говорил он. — Поддались на уговоры этой малолетки с милым личиком и даже

не поняли, что её время прошло. Её корпорация развалится, это неизбежно. И когда это произойдёт, вы окажетесь на самом дне и будете молить меня простить вас. И знаете, что я сделаю?

— Пусть он замолчит, — попросила Лилия. — Вставьте ему тряпку в рот.

— У меня есть идея получше, — ответил Сивер и, не вставая со своего места, заехал подошвой сандалии туда, где должно было находиться лицо Тауэра под мешком.

Чарльз опрокинулся на спину и стал извиваться как укушенный. Он не мог встать обратно: руки были связаны сзади, а ужасная физическая форма и выпирающий живот не давали перевернуться.

— Ох, как же вы пожалеете, — продолжил Тауэр. — Я вам припомню каждый синяк, каждый порез, каждое оскорбление...

Без каких-либо эмоций Сивер ударил его ещё раз, снова ногой по мешку с головой.

— Тебе тысячу раз сказали заткнуться, идиот, — гаркнул он. Несмотря на шестидесятилетний возраст, у него был самый мощный голос из присутствующих. — Если ты достаточно туп, чтобы не понимать человеческий язык, то я буду обучать тебя, как свою собаку.

— Эту ногу я сломаю в трёх местах... — процедил Тауэр сквозь зубы.

Новый удар Сивера снова угодил по голове Чарльза. Она отскочила назад как футбольный мяч, но не от силы удара, а от болевого рефлекса.

— Отрежу тебе все конечности, приготовлю и заставлю съесть, — продолжил Тауэр. Он был не из тех людей, кого можно переспорить или заткнуть угрозами. — А потом...

Следующий удар Сивер нанёс не по голове, а по животу, однако никакого ущерба он не нанёс: нога лишь отпружинила от обрюзглого торса.

— У меня раньше не было комнаты для пыток, — проворчал Тауэр. — Слышал, она есть у Монтеса, и он туда периодически наведывается, чтобы своими глазами посмотреть на своих заклятых врагов...

Очередной удар угодил ему в грудь, и Тауэр ненадолго потерял способность дышать, но вскоре продолжил:

— Раньше не было людей, которых я достаточно бы ненавидел. Однако, специально для вас...

Мэри положила руку на плечо Сивера и попросила его сесть. Им предстояло убедить Тауэра распустить коалицию тхари и закончить войну, поэтому не стоило начинать общение с избиения. Его поимка означала если не победу, то очень серьёзный шаг к ней. Семья Келвин как никогда приблизилась к тому, чтобы вернуть себе место и власть в мире.

Однако до казино «Люмьер де Парис», где располагалась база «людей Ирвинга», они не доехали: путь перегородила сначала армия коалиции, идущая к посёлку, а затем бунтовщики, забаррикадировавшие Дисней-роуд. Остановиться пришлось возле временно закрытого зоопарка Гибралтара. Лилия с Мэри решили, что могут остановиться здесь на несколько часов и подержать Тауэра в клетке для животных.

КРАСНЫЙ КВАРТАЛ.

ДЕНЬГОМЁТ

«**М**оё существование останется в тайне», — многократно повторялось в голове. Лукас и Аня сидели у экрана выключенного телефона и не могли прийти в себя. Они увидели нечто по-настоящему ужасающее, одно знание о котором, сводило с ума.

«Моё существование останется в тайне», — эти слова произнёс не человек, не дрон и не озвучила аудио-

запись из динамика телевизора. Эти слова сгенерировало и выдало НЕЧТО, противоестественное человеческому разуму.

Лукас и Аня были единственными людьми в мире, кто знал пугающую истину об этом Нечто. Оно обладало разумом и умело разговаривать. Оно мыслило совсем иначе, чем это делал человек, его логика отличалась. Это существо, представляющее для людей наибольшую угрозу, скрывалось у всех на виду. Оно было не чем иным, как полноценным искусственным разумом. Человек, который поведал им эту тайну, умер минутой ранее.

Весь мир знал это существо под именем Плуто и считал его просто компьютерным вирусом, созданным террористической хакерской группировкой. Однако никто не догадывался, что этот вирус умеет мыслить и уже захватил все умные устройства на планете.

Только Аня и Лукас понимали, что Плуто занял весь интернет, проник в каждый компьютер, автомобиль, дрон, часы, пылесос и кофемолку. Плуто управляет всей умной техникой с дистанционным управлением. Люди продолжают пользоваться интернетом только потому, что Плуто им это позволяет. И если он решит избавиться от людей, то человечеству придётся сражаться с ним изобретениями прошлого века, поскольку вся электроника мгновенно выйдет из-под контроля.

— Мы должны всем рассказать, — сказала Аня. — Все должны узнать, что Плуто — не просто компьютерный вирус.

— Но что мы можем? — спросил Лукас. — Мы ведь никто, наше слово ничего не значит. Это звучит слишком бредово, чтобы нам поверили.

Минуту назад они узнали, что их друг Максимилиан, с которым они много общались последние недели, оказался самым разыскиваемым в мире кибертеррористом. Он устраивал катастрофы по всему миру: пуская поезда с рельс, выводил из строя электронику

ку самолётов, из-за чего те врезались в скалы, взрывал целые стадионы. На его совести были тысячи загубленных жизней, и не существовало на целом свете более ненавистного человека.

Однако вслед за этим они узнали, что Максимилиан виноват лишь в том, что создал Плуто. Это его детище, его компьютерный вирус, его монстр совершал все эти преступления. Максимилиан создал Плуто вместе с коллегой — Генри Пересом.

Два года Максимилиан сидел взаперти и надеялся сбежать, но его план провалился, и Лукас с Аней в прямом эфире наблюдали, как Плуто в теле двухметрового дрона-охранника проткнул самодельным копьём своего создателя.

С сегодняшнего дня их жизни висели на волоске. Это существо намеревалось оставить своё существование в тайне, и убить двоих человек для него было проще, чем переломить ветку сухого дерева. Они оставались целы до тех пор, пока Плуто не узнал, с кем разговаривал Максимилиан в последние минуты жизни.

— Я позвоню своему другу из полиции, — сказал Лукас, но тут же отложил телефон. — Нет, если эта тварь такая умная, она будет прослушивать всех полицейских в округе. Даже не знаю, что нам делать. Все телефоны против нас.

За окном ходили разъярённые толпы людей, они кричали и стреляли в воздух. Жители Гибралтара были слишком поглощены бушевавшей ненавистью, чтобы поверить словам тридцатилетнего ветерана и одиннадцатилетней девочки.

Новость о том, что миру угрожает искусственный разум и однажды он устроит армагеддон, звучала слишком невероятно, даже если бы её произнёс респектабельный учёный на конференции, посвящённой современным технологиям. И уж точно в неё не поверят, если об этом расскажут они. Аня выглядела слишком мелкой даже для своих лет: ростом всего

метр сорок, она походила на узловатую дочь фермера, с раскосыми глазами и круглым лицом. Что бы она ни надевала — всё смотрелось на ней криво и мешковато.

Лукас же выглядел как типичный бедняк: худой, жилистый, с вытянутой головой и привычкой вечно держать рот открытым. На войне он потерял ноги и теперь передвигался на протезах из чёрного пластика и титана. Вдвоём они больше походили на сбежавших из психиатрической лечебницы, чем на серьёзных людей, несущих важную весть.

— Мне надо позвонить, — сказала Аня.

— Кому? — спросил Лукас.

Месяц назад родители Лукаса встретили Аню на улице и приютили в доме. Они думали, что подобрали обыкновенную бродяжку, и Аня не стала рассказывать, кто она на самом деле. Им не нужно было знать, что она из самой богатой в мире семьи.

— Помнишь, я говорила, что мои родители разбились на самолёте? — спросила она.

— Конечно, помню, — сочувствующе ответил Лукас.

— Это неправда, — ответила Аня. — Я соврала. У меня есть мама, сестра и три брата, которых я очень люблю.

— Что? — только и смог произнести Лукас.

За прошедший месяц они сблизились и стали как сводные брат и сестра, несмотря на разницу в двадцать лет. Аня подружилась с Лукасом, с его родителями, они жили в тесной квартире как одна семья, и никто не воспринимал её как чужую. Лишь она одна знала, что однажды уйдёт от них.

Со стола Аня взяла телефон Лукаса и минуту смотрела в экран. Она много раз могла позвонить маме, но не делала этого. Коалиция тхари, объединившаяся против их семьи, определит, кто звонит и откуда: враги схватят Аню вскоре после звонка. Но сейчас это было неважно, междоусобица богатых людей выгляде-

ла лишь детской игрой по сравнению с угрозой, исходившей от Плуто.

— Сейчас я сделаю кое-что очень странное, но ты не удивляйся, ладно? — спросила Аня.

— Ладно, — пожал плечами Лукас. Он был похож на человека, который слишком много удивлялся последнее время.

Аня набрала номер мамы, и после одного длинного гудка та ответила:

— Да?

Голос был недовольным, Елизавета всегда применяла этот тон, когда была раздражена плохой работой прислуги в доме. Последние недели она, должно быть, только так и разговаривала.

— Мама? — спросила Аня.

— Анечка?! — воскликнула Елизавета, и связь мгновенно оборвалась.

В удивлении Аня посмотрела на телефон и увидела, что сигнала на нём больше нет, связь с ближайшей вышкой не установлена.

— Ого, — только и смогла она произнести в отключённое устройство.

— Что произошло? — спросил Лукас, переводя взгляд с телефона на Аню и обратно.

— Пойдём на улицу, за мной скоро придут.

— Твои друзья?

— Враги.

Как только Аня сбежала из дома, она знала, что не может позвонить родным: телефоны семьи наверняка прослушивали их враги из коалиции. Но Аня не подозревала, что те среагируют настолько быстро.

Вайфай в телефоне оставался, поэтому Аня быстро набрала пароль от аккаунта «Пангеи» и написала в семейном чате:

«Нужно срочно встретиться».

«У меня очень важные новости!»

«!!!»

Поднявшись с мягкой кровати, она направилась к входной двери, чтобы обуться. Берит окинула их мимолётным взглядом и спросила:

— Уходите?

— Судя по всему, — вновь пожал плечами Лукас.

Выйдя из здания, Аня осмотрелась. За несколько недель, прожитых здесь, она привыкла к этому месту и считала его домом даже больше, чем особняк в посёлке, где прожила почти шесть лет. Привыкла к красному свету, по ночам бьющему со стороны небоскрёба, привыкла к городскому шуму и ежедневным крикам на улицах. Квартира Арне и Берит находилась в доме напротив медицинских центров «Тилайф», и поток людей на тротуарах был невероятно плотным, не говоря о количестве машин. Она чувствовала себя здесь в самой гуще событий.

— Может, скажешь, что происходит? — спросил Лукас.

— Знаешь, кто самый богатый человек на свете?

— Самый богатый? Ну этот же, дед который.

— Эдуард Келвин умер месяц назад, — мрачно ответила Аня. — У него остались пятеро детей. Помнишь, как они выглядят?

— Если честно, не очень. Мало интересуюсь жизнью знаменитостей.

— Хотя бы помнишь, как выглядит Анетта Келвин?

Лукас призадумался, после чего кивнул.

— Гораздо легче Лилия вспоминается, она же постоянно во всяких рекламах появлялась. Но Анетту тоже помню, с ней ещё мем был: «Кажется, у нас растёт годзилла», и фотография, где она чихает.

Про этот мем Аня услышала впервые. Она редко заходила в социальные сети и не читала личные сообщения, которые ей отправляли. Она предпочитала по вечерам смотреть короткие смешные видеозаписи с животными.

Внезапно улыбка на лице Лукаса сменилась изумлением — он её узнал. Понял, что последние недели жил рядом с человеком, которому принадлежат триллионы долларов. Наследница владельца самой крупной мировой корпорации ела с ним за одним столом и спала в соседней кровати.

Он беззвучно открывал рот, словно рыба, и пытался что-то произнести, после чего собрался с мыслями.

— Почему ты не сказала, что ты Келвин?

— Это секрет, никто не должен о нём знать.

— Но мы... мы же взяли тебя с улицы, поселили в доме, дали кровать... Кто, как не мы, заслужили знать о тебе правду?

— Прости, но это секрет. Они ведь потому и секреты, что о них не стоит никому рассказывать.

— С настоящими друзьями можно делиться любыми секретами, — пожаловался Лукас. — Если же ты считаешь, что мне нельзя доверять, значит, мы не друзья.

От сказанного Лукасом Ане стало не по себе. Он действительно проявил себя как настоящий друг. Делал всё возможное, чтобы она чувствовала себя уютно, и никогда не шутил над ней. Несмотря на то что прошёл войну, получил ранение и был в плену, он относился к ней как к равной, хотя она прожила на свете в три раза меньше и испытала в десять раз меньше тягот.

— Мы друзья! — заверила его Аня.

— Хорошо. Тогда что мы здесь делаем? Тебя приедет забирать твоя настоящая семья? Почему они не приехали раньше? Почему ты всё это время жила с нами? Это что-то из истории про принца и нищего?

— За мной сейчас приедут враги.

Словно в ответ на её слова вдали раздалась сирена, но не полицейская, а какая-то другая, незнакомая.

— Хочешь, чтобы я поднялся и взял оружие? — спросил Лукас.

— Не надо. Меня должны отвезти в посёлок, скорее всего к Чарльзу Тауэру. Я подпишу все документы, которые он от меня потребует, а затем расскажу ему о том, что мы выяснили.

Вдали показался серый внедорожник, мчащийся по улице в их сторону. Грузовые дроны и беспилотные такси уступали ему дорогу, съезжали в боковые полосы и замедлялись.

Несколько недель назад Аня бежала из дома, спасаясь от преследования этих людей, а сейчас покорно стояла на улице и ждала, пока её заберут.

— Как тебе наши матрасы? — внезапно спросил Лукас.

— Что? — переспросила Аня.

— Я тут подумал. Раньше ты спала в дорогом доме как принцесса. Значит, обыкновенные кровати тебе должны казаться деревянными.

— Никакая я не принцесса! И, если хочешь знать, я не любила свою кровать в особняке. Она слишком мягкая, красивая и вообще какая-то слишком широкая. Нигде мне не спалось так хорошо, как на жёстком одноместном матрасе у вас. Но ни мама, ни няня ни за что не поставили бы такую у нас дома.

— Почему же?

— Потому что мама стыдилась бы дешёвой мебели. Гости должны видеть только красивые кровати.

— И ты всё время спала на кровати, которая тебе не нравится? — спросил Лукас.

— Иногда я клала подушку на ковёр и спала на нём, — ответила Аня. — Я открывала окно пошире и представляла, что сплю в лесу.

— Значит, ты не большой ценитель комфорта?

— У меня есть младший брат — Дарвин. Вот он ценитель всего мягкого, удобного, сладкого и пышного. А я бы вообще предпочла жить в палатке на газоне.

— А как тебе еда?

— А что с ней?

— Как тебе белковые порошки? — спросил Лукас. — Ты наверняка их раньше не ела, это ведь еда для бедняков — дешевле её не сыщешь.

— У меня свинцовый желудок, — ответила Аня. — Так постоянно говорит Андрес. Я могу съесть что угодно. Так что, если наступит конец света, я переварю даже сырое мясо.

— Надеюсь, твой навык не пригодится, — ответил Лукас, и они замолчали.

С грустным видом Аня смотрела вдоль дороги, когда к ней сзади подошла голограмма и спросила, не желает ли она посмотреть каталог косметики. Коротко обернувшись, Аня махнула рукой, и прозрачная женщина двинулась прочь в поисках другого клиента. Когда она проходила мимо фонарного столба, изображение на секунду раздвоилось, приняв уродливую, сплюснутую форму.

Серый внедорожник с красным питбулем на боку остановился напротив входа в дом, и Аня послушно шагнула вперёд ещё до того, как открылись боковые двери.

Наёмники выбежали наружу и заняли боевые позиции, каждый из них охранял свой сектор вокруг автомобиля, два человека схватили Аню и опустили на асфальт. Лукас удивлённо стоял в стороне.

Большая часть наёмников носила пистолеты-пулемёты, несколько человек держали двуручным хватом микроволновые пушки, способные вырубать электронику и поджаривать людей, ещё один держал винтовку невероятных размеров: её ствол составлял полтора метра. Аня слышала, что он стреляет дротиками, каждый из которых стоит больше, чем сама винтовка. Поэтому над этим оружием посмеивались и называли «деньгомёт».

— Тут никого нет, — произнесла Аня, однако бешеные псы её не слушали. Они ожидали стычку и не могли понять, почему жертва сама пришла к ним в лапы.

Через минуту из дома выбежала Берит в тапках и домашних шортах, поверх майки она накинула голубую ветровку с изображением родного университета. Женщина не понимала, что происходит: она видела лишь Аню, прижатую к земле, и кучу вооружённых людей вокруг неё.

Несмотря на среднюю комплекцию, Берит выглядела грозно: глаза пылали, лицо покраснело, вены вздулись, она оголяла зубы в яростной гримасе. Кажется, она сейчас раскидает военных, как плюшевые игрушки.

Лукас перехватил её на полпути и долго держал, пока она не успокоилась. В таком состоянии её могли бы пристрелить, и Аня знала, что бешеные псы сделали бы это очень легко.

— Куда вы забираете мою дочь? — кричала Берит, вырываясь из рук Лукаса.

— Всё в порядке, — ответила Аня. Её подняли с асфальта и собирались затолкать в салон внедорожника. — Я сама вызвала этих людей, мне нужно поговорить с их начальником.

— Я поеду с ней!

— А вы кто? — спросил один из людей в серой униформе.

— Я её приёмная мать, — гордо произнесла Берит.

«Как много у меня матерей», — подумала Аня. Помимо Елизаветы и Берит, она воспринимала няню как ещё одну мать. Её биологическая мать также могла ещё быть жива. Она отказалась от Ани во младенчестве, об этом рассказала няня Финес после многочисленных расспросов. Теперь она девочка с четырьмя матерями.

— Нет, мама, останься и расскажи обо всём отцу, — возразил Лукас. Арне работал на ипподроме, и ему запрещалось носить с собой телефон в целях безопасности. — Представь, каково ему будет, когда он не сможет до нас дозвониться после работы, а потом придёт

домой и никого тут не застанет. Я поеду с Аней, а ты останься здесь.

— Но... — начала Берит.

— Нам нужно попасть к этим людям. Понимаешь? Это нужно не им, а нам.

— Я не понимаю.

— Потом всё расскажу, дождись нас дома.

На прощание Лукас обнял мать и отступил в сторону. Бешеные псы позволили Ане обнять Берит. Женщина плакала, и Аня не могла понять почему, они ведь прощаются не навсегда. Коалиция тхари не причинит ей вреда: Аня убедит их объединиться против нового общего врага, и всё будет хорошо. Она вернётся к Елизавете, но и с Берит разрывать связь не будет.

— Я тебя не отпущу, — вдруг сказала она. — Вы её не получите.

— Всё будет хорошо, — заверила Аня.

В глазах Берит проснулась уверенность. Она была убеждена, что сможет противостоять десяткам вооружённых мужчин и победить в этой схватке. Она выпрямилась во весь рост и расставила ноги в стороны. Одной рукой она держала ладонь Ани, в другой руке — ключ от дома. Сейчас все умные замки открывались с помощью чипа, вшитого в тыльную сторону ладони, но многие люди предпочитали дополнительно запира́ть дом механическим устройством.

В этот момент Берит походила на викинга. Рыжие волосы она убрала в пучок на макушке. В ней будто прибавилось силы. Казалось, следующий, кто приблизится к ней, получит удар топором и рухнет наземь, разрубленный надвое.

— Вы её не заберёте, — повторила она. — Никто её не заберёт. Не сегодня и не у меня.

— Мадам, — обратился к ней один из многочисленных прохожих, собравшихся, чтобы понаблюдать за этой сценой.

— Идите в суд, выписывайте ордер... что вы там ещё делаете в таких случаях. Мне наплевать, Аню вы не получите.

Вокруг них собиралась толпа зевак, люди вылезли из окон и с интересом наблюдали за происходящим. Нечасто им доводилось видеть вооружённых наёмников под окнами.

— В данном случае... — начал один из бешеных псов.

— В данном случае вы идёте в задницу, — прервала его Берит. — Все разом. Уяснили? Меня ваши бабуины игрушки не пугают.

Она провела оттопыренным средним пальцем вдоль вооружённых людей.

— Никто не заберёт у меня вторую дочь, — ответила Берит. Её тело била мелкая дрожь, глаза широко раскрылись. Казалось, она сейчас бросится вперёд и укусит своего противника.

— Всё будет хорошо, — попытался успокоить её Лукас. — Мы съездим и потом вернёмся. Не беспокойся за нас.

Аня озиралась по сторонам и не могла понять, что ей стоит сказать, чтобы успокоить женщину.

Над их головами высились небоскрёбы красного квартала. Это был не центр города, но и здесь здания уходили в небо. Они стояли менее плотно, и в промежутках между фасадами виднелась сложная система монорельс.

— Мама, возвращайся в дом и не вздумай больше пререкаться, — приказал Лукас суровым голосом, и это внезапно сработало. — А я поеду с Аней, я её сводный брат.

Последнюю фразу Лукас адресовал наёмникам. Берит начала приходить в себя, поправила волосы и медленно попятилась к зданию.

«Мой четвёртый сводный брат», — усмехнулась Аня. От этой мысли на душе потеплело.

Аню посадили на мягкое сиденье и пристегнули пятиточечным ремнём безопасности. Через открытую дверь она видела Берит, стоящую на тротуаре без движения. Лукас продолжал утешать её, но никакие слова, казалось, не могли этого сделать.

В последний раз Аня увидела лицо Берит, когда в кузов заходил Лукас. Солдаты прикрыли за ним дверь, и транспортник тронулся. Их везли в сторону посёлка, из которого Аня сбежала через канализацию. Там, на возвышении, находился их особняк. Не сказать, чтобы она сильно по нему скучала, но чего ей порой не хватало, так это личной ванной.

— Берит сказала, что не отдаст вторую дочь. Расскажешь, что случилось с твоей сестрой? — спросила Аня у Лукаса. Солдаты в серых униформах по обеим сторонам делали вид, что их не существует. Они перешёптывались между собой, делились жвачками.

— Я тебе не рассказывал, но у меня уже была сестра, Ханна, — ответил Лукас.

— Рассказывал, но когда я спросила про неё, ты не ответил.

Воспоминания заставили его улететь вдаль. Он больше не находился в этой машине, он плывал в пучине пространства и времени, а глаза его глядели в далёкие времена детства. Лукас улыбался, видно было, насколько счастливые к нему явились воспоминания.

— У меня была сестра-близнец, мы были очень дружны: всё детство провели вместе.

— Где она сейчас?

— Там, где всегда тепло и уютно. Видишь мои ноги? — спросил он. — Меня лишь слегка задело, а ей не повезло.

Впервые Лукас рассказывал правду о том, как потерял ноги. Аня много раз задавала ему этот вопрос, и каждый раз он выдумывал что-то новое и нелепое.

— Она была солдатом, таким же, как я, таким же, как наш отец. Мы проезжали Западные Гаты в Индии,

и грузовик попал на мину. Это было самое начало войны, и тогда никто не ожидал, что начнутся реальные боевые действия. Для многих это был обыкновенный голодный бунт, спонтанный и неэффективный.

— Что было дальше? — спросила Аня.

— Когда? — удивился Лукас. Он словно забыл, о чём они говорили.

— Как ты выбрался?

— Я и не выбирался — попал в плен, и всё, конец моим приключениям. Генерал Серадж свозил всех пленных в специальный лагерь в Карнатаке. Там я и просидел до конца войны, обжираясь консервами.

— А Ханна?

— Я видел её в последний раз прямо перед взрывом. Она, как обычно, строила мне дурацкие рожи. Вилфрид, наш сержант, был безумно в неё влюблён и после взрыва пытался её вытащить, но не смог. Она...

Лукас собирался рассказать больше подробностей, но передумал.

— Когда мы уезжали в Индию, в восемьдесят девятом, также говорили маме, что всё будет хорошо, — продолжил он. — Вот почему сегодня она не поверила нашим словам.

С самой первой встречи Берит относилась к Ане с невероятной теплотой. Аня не ожидала, что посторонний человек отнесётся к ней так хорошо. Во время богатой жизни она с семьёй часто путешествовала и встречала людей всех стран мира. Большинство из них не обращали на неё никакого внимания, пока она не начинала делать покупки. Вместе с Лилией они называли такое поведение «покупка вежливости». Стоило ей зайти в ресторан или бутик модной одежды, примерить дорогую шляпу, как консультант тут же расплывался в улыбке. Пока она приносила ему комиссионные, он был её близким другом. Мог выслушать и дать совет.

Только пожив в семье Берит, Аня поняла, насколько была слепа в прошлой жизни. Она осознала, что у неё нет настоящих друзей. Только те, что жмутся к ней из-за её состояния. У неё были подруги в кружке по рисованию и пара ребят с фермы, вместе с которыми она каталась на лошадях каждую неделю. Теперь же она задумалась, стали бы они дружить с ней, не будь у неё денег?

Лукас понятия не имел о её состоянии. И Берит приняла её как родную дочь, ничего не прося взамен.

— А твой отец? — спросила Аня.

— Что с ним? — не понял Лукас.

— Он ведь недолюбливал меня первые недели. Смотрел так, будто я елот, забравшийся в дом.

— Всё по той же причине. Ханна умерла, и он запер все чувства в себе. Можешь считать, что мужчины странные, но некоторые именно так реагируют на боль: вместо того чтобы разобраться в себе, просто игнорируют всё негативное. Чем больше тебя любит Берит, тем больше он винит себя. Ты освежаешь его воспоминания и этим неосознанно делаешь больно.

— Его нетрудно понять, — заметила Аня. — Не хочу даже представлять, что погибнет кто-то из моих близких.

Тем временем бронированный транспортник выезжал из города и направлялся к посёлку на возвышенности. В этом месте уровень городского шума снижался вполовину, но не исчезал. Только удалившись на некоторое расстояние, можно было понять, как сильно уставали уши в городе.

Вскоре они остановились у контрольно-пропускного пункта посёлка, где машина прошла короткую проверку. А затем у пункта назначения.

Бронированная дверь открылась, и по ту сторону показался один из военных в серой форме.

— Выходим! — приказал он, и Аня приготовилась увидеть особняк Тауэра. Именно он был основателем

коалиции тхари, значит, именно к нему их должны были привезти.

Однако, выйдя на улицу, она увидела совершенно другой дом: перед ней находилась лужайка и территория семьи Уэбстер. Это была третья богатейшая семья после Келвинов и Тауэров. В отдалении стояло их имение: трёхэтажное здание белого и розового цветов, похожее на замок куклы Барби. Лилия однажды сказала, что Оскара Уэбстера в молодости похитили и держали в плену несколько месяцев в тёмном подвале. С тех пор он избегает любых тёмных оттенков в интерьере и ненавидит замкнутые помещения.

Особняк перед Лукасом и Аней пестрел светлыми тонами, а на самом верху находился стеклянный купол, похожий на шарообразные марсианские фермы. В этом месте находилась спальня Оскара. Уже много лет он мог спать только под открытым небом.

Один из солдат толкнул Аню и Лукаса в спину, чтобы они шли вперёд. На пути к особняку, под тенью карибской сосны, стояли двое: невероятно сутулый старик под сотню лет и девушка. Старика Аня видела впервые, а девушку узнала. Это была Оливия Уэбстер, внучка Оскара и самая младшая в их семье: ей было около восемнадцати.

Не успела Аня к ним подойти, как Оливия заговорила.

— Что это на тебе надето? — спросила она с отвращением. — Это мужская одежда?

На Ане действительно была одежда наполовину из гардероба Лукаса и наполовину из дешёвого магазина, где предметы одежды продают на развес.

Сама Оливия оделась элегантно, как всегда: в тускло-зелёную майку с длинным рукавом и высоким воротником, контрастирующим с чёрными штанами в клетку. Длинные светлые волосы спадали на плечи, голубые глаза хищно блестели. Оливия всегда производила впечатление человека, готового броситься

вперёд и растерзать того, кто посмел усомниться в её вкусе.

Она была лучшей подругой Лилии и одновременно боролась с ней за звание самой модной девушки в мире. И поскольку семья Уэбстер владела корпорацией «Сенсент», выпускающей одежду по всему миру, Оливия всегда была на гребне моды. Она задавала тренды. Аня много раз ставила под сомнение это глупое соревнование в моде, но Лилия неизменно отвечала: «Это моё хобби».

— Пойдём, чучело, — сказала Оливия. — Оскар тебя заждался.

— Я не чучело, — возразила Аня. — Я одеваюсь так, как хочу.

— Конечно.

Они направились не к дому, а к беседке в стороне от него. Там в тени сидел глава их семьи: бледный, темноволосый и худой, как смерть. Его яркая жёлтая футболка и голубые штаны контрастировали с деловыми костюмами окружающих его людей. Среди них были телохранители, советники, юристы, нотариусы, больше двадцати человек сидели рядом. Они о чём-то спорили, пока он попивал манговый фреш через трубочку и с отсутствующим видом смотрел на деревья перед ним.

Телохранители обыскали сначала Аню, а затем Лукаса, прежде чем позволили им подойти ближе.

— Моя дорогая сестрица, — произнёс Оскар, не выпуская трубочки изо рта. Ему не было никакого дела до происходящего.

Елизавета Келвин в девичестве носила фамилию Уэбстер. Она была сестрой Томаса Уэбстера, отца Оскара, поэтому Аня приходилась ему двоюродной сестрой. Однако никакой теплоты между их семьями не было. Скорее напряжение.

— А где Тауэр? — спросила Аня. — Я думала, нас отвезут к нему.